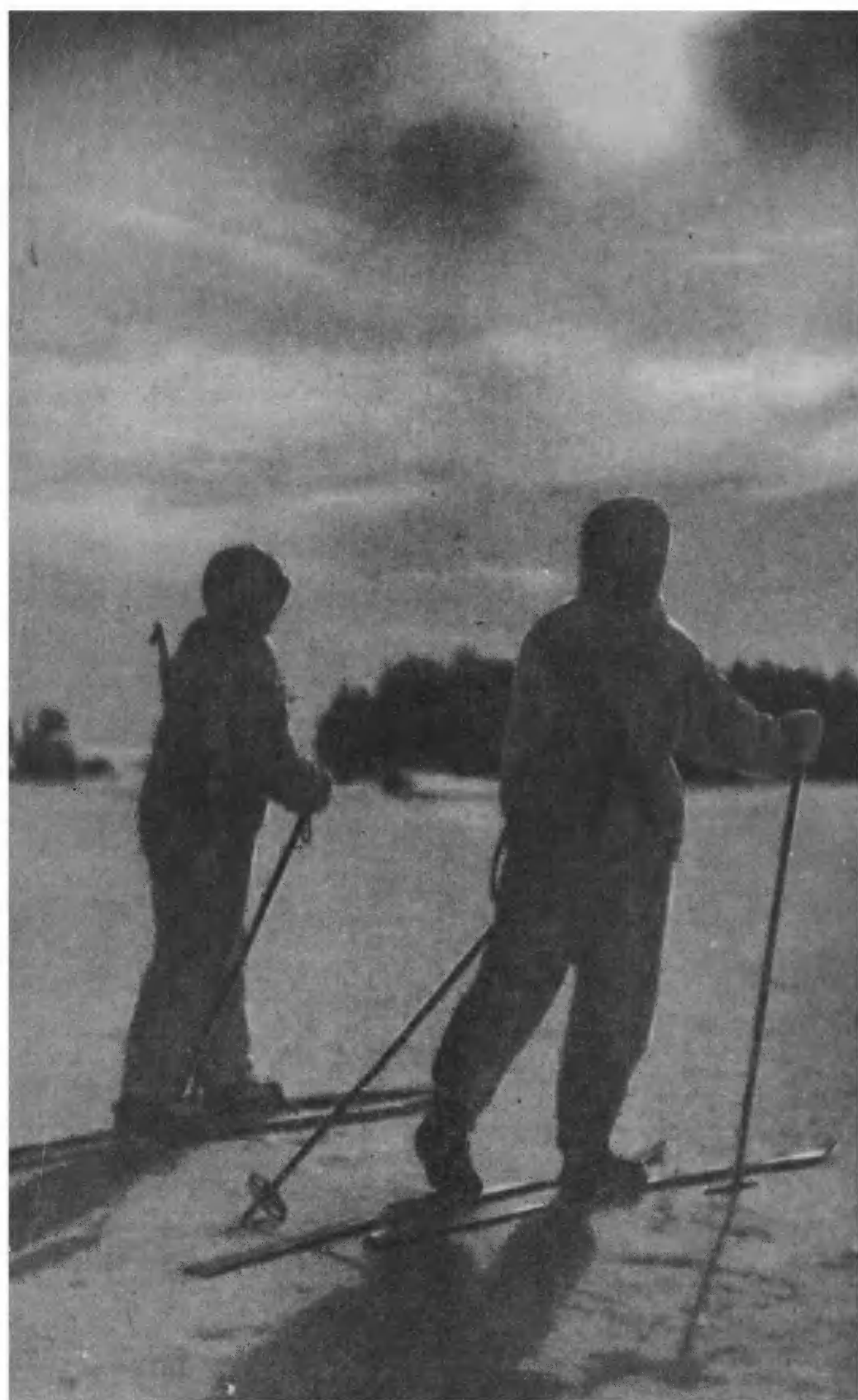

Искорка

ФЕВРАЛЬ • 1971

год издания XV

газеты
«Ленинские
искерки» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

До сражения «Зарницы»
Оставалось полчаса.
У ребят всё строже лица,
Приглушённой голоса...

А дорогою куда-то
Шли гвардейцы под горой.
— Вот солдаты так солдаты! —
Загудел ребячий строй. —

Нам бы с ними!
Их бы с нами
Хоть десяток человек!
Мы бы сразу наше зная
На горё воткнули в снег! —

В небо вырвалась ракета.
Дружно ухнуло: «Ура!»
Автомат защёлкал где-то.
Ощетинилась гора.

Ёлки колются...
Не страшно!
Снег ухабами...
Вперёд!

Вот уже на снежной башне
В плен захвачен пулемёт.

Но «противник» не сдаётся:
Окружает с двух сторон.
Над горою стая вьётся
Перепуганных ворон.

А гвардейцы под горою
Тоже смотрят на ребят,
Рассуждают меж собою,
Капитану говорят:

— Вот растут у нас ребята!
Молодцы ведь?
— Молодцы!
Настоящие солдаты.
Настоящие бойцы.

Рис. Ю. Бочкарёва

В. НИКОЛАЕВ

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Что умеют танкисты

Рисунки П. Вискова

О ЧЕМ Я ДУМАЛ, ПОКА ЕХАЛ

Работал я в военной газете. И дал мне главный редактор задание:

— Поезжай-ка ты к танкистам. Посмотришь, что там и как. Напишешь небольшую заметку.

Если говорить откровенно, ехать тогда к танкистам мне не очень хотелось. С большим бы удовольствием я поехал к ракетчикам или, например, к вертолётчикам.

И вот почему.

Как прославились наши танкисты во время Великой Отечественной войны — это я хорошо знал. Как боялись наших могучих танков фашисты — это тоже ни для кого не секрет.

Но с тех пор прошло уже много лет.

Очень сильно с тех пор изменилась наша армия.

Вместо «ястребков» в небе появились реактивные истребители, которые летают быстрее звука.

Вместо зенитных пушек — ракеты.

Нет, совсем не узнать стало нашу армию.

И только танк так и остался танком.

Посмотреть на него — вроде бы и не изменился он совсем.

И, конечно, управлять танком — это совсем не то, что управлять

сверхзвуковым истребителем или ракетой.

Вот о чём я думал, пока ехал к танкистам.

ПИСАРЬ ВЕРЕВКИН

Так уж складывались мои дела в этот день, что мне всё время кого-то приходилось разыскивать.

И когда я приехал к танкистам, то оказалось, что мне во что бы то ни стало надо отыскать комсорга третьей роты сержанта Пирожкова. Потому что это был именно тот человек, который мог рассказать мне великое множество разных историй и случаев, необходимых для газеты.

На поиски Пирожкова я отправился в подразделение.

Я открыл дверь и остановился в удивлении.

Посередине большой комнаты на железной табуретке сидел солдат. Солдат был очень худой и очень печальный.

Он не заметил меня, потому что внимательно смотрел прямо перед собой.

А прямо перед ним бегал игрушечный зелёный танк.

Игрушечный танк бежал по игрушечной дороге среди игрушечных деревьев. Вот он поднялся на игрушечный холм, съехал с него и оказался перед игрушечным мостом.

На секунду он замер, словно в нерешительности, потом дёрнулся и въехал на мост.

Мост был очень узким, и одна гусеница игрушечного танка повисла над пропастью. Ещё мгновение — танк накренился и упал с моста.

— Опять! — расстроено сказал солдат и встал. Он подошёл к маленькому танку, бережно перевернул его и поставил на дорогу.

И тут он увидел меня. Я думал, что он смутится, но он даже не покраснел, как будто не было ничего странного в том, что взрослый солдат играет в игрушки.

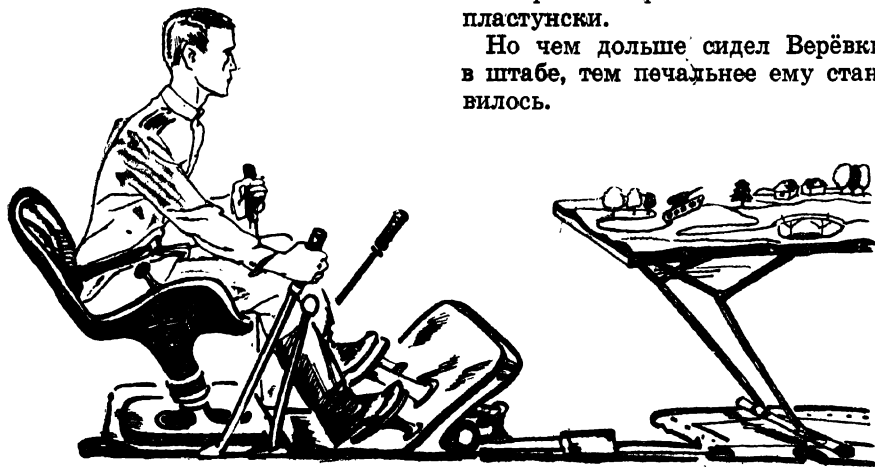
— Простите, — сказал я. — Вы не Пирожков?

— Нет, — ответил солдат. — Я — Верёвкин. Писарь Верёвкин.

Потом он спокойно вернулся на своё место, и только теперь я разглядел, что справа и слева от табуретки были рычаги — точно такие, какие бывают в кабине трактора или танка.

Верёвкин положил руки на рычаги, а ногой нажал на педаль.

И маленький зелёный танк опять побежал по жёлтой дороге. Верёвкин тронул правый рычаг, и танк послушно повернул вправо, Верёвкин нажал левый рычаг, и танк сделал поворот влево.

И тут я начал догадываться, в чём дело.

Солдат учился водить танк!

Сейчас он как бы сидел в кабине настоящего танка и передвигал настоящие рычаги, и сбавлял и прибавлял скорость, и внимательно следил, как машина повинуется ему.

Вот игрушечный танк добежал до моста и снова — хлоп! — рухнул вниз.

— Никак!

Верёвкин вздохнул, и я почувствовал, что ему хочется поговорить со мной.

Через несколько минут я знал его грустную историю.

С детства мама считала его болезненным ребёнком. Бабушка убирала за него постель, а папа

решал за него задачи. Учителя говорили, что он способный, но ленивый мальчик. И жизнь Верёвкина шла легко и беззаботно. Учился он на «тройки» и если чем-нибудь мог похвалиться, так это красивым, чётким почерком. И поэтому, когда он прибыл в армию, его вскоре назначили штабным писарем.

Сначала Верёвкин очень обрадовался такой удаче, потому что быть писарем — это гораздо легче, чем управлять танком, мыть его и чистить. И переписывать бумажки намного приятнее, чем ходить на морозе в строю или ползать попластунски.

Но чем дольше сидел Верёвкин в штабе, тем печальнее ему становилось.

Каждый день сюда доносился грохот танков. Товарищи Верёвкина водили танки и стреляли из пушек, а он по-прежнему всё переписывал бумажки.

И особенно грустно становилось ему, когда он получал письма от своего младшего брата третьеклассника Пети Верёвкина, потому что Петя в своих письмах каждый раз просил рассказать старшего Верёвкина, как идёт служба.

А о чём мог рассказать Верёвкин?

Разве что о том, каким красивым почерком переписывает он разные бумаги!

И тогда он пошёл к командиру и попросил, чтобы его перевели в танковое подразделение.

И командир всё понял и даже по-

хвалил Верёвкина за то, что тот больше не ищет лёгкой жизни.

— И вот теперь, — сказал бывший писарь Верёвкин, — скоро мне разрешат водить настоящий танк...

И он вздохнул и снова сел за рычаги.

А я осторожно закрыл за собой дверь и пошёл дальше.

ПОКА САМ НЕ ПОПРОБУЕШЬ...

Я шёл и думал о писаре Верёвкине и не заметил, как очутился возле одноэтажного квадратного здания.

Я вошёл и удивился ещё больше, чем пол часа назад, когда увидел Верёвкина с его игрушечным танком.

Здесь был бассейн.

А возле бассейна стояли солдаты.

Неужели это тоже танкисты? А может быть, моряки-подводники? Или спортсмены-аквалангисты? Или водолазы?

Такой странный был у них вид.

Спасательные пробковые жилеты аккуратно затянуты тесёмками. Резиновые маски на лицах. Большие противогазные коробки на груди. И сами раздеты до трусов.

Как тут догадаешься, что это танкисты?

Дело ли танкистов лазать под воду?

— А как же! — сказал мне офицер, руководитель занятий. — Это раньше танки умели ходить только по земле. А теперь и под водой, по дну реки научились ходить. Вот и танкистам обязательно надо уметь работать под водой. На всякий случай. Мало ли что может случиться.

Конечно, я сразу забыл, что мне надо искать сержанта Пирожкова. Я стоял возле бассейна и наблюдал за всем, что здесь происходит.

И вот что я увидел.

Двое солдат надели маски и исчезли под водой. Только лёгкие большие поплавки теперь плавали на поверхности. Да сигнальные верёвки тянулись из-под воды. По-

плавок побежит вперёд — значит, солдат под водой вперёд двинулся. Загрёт поплавок на месте — значит, солдат остановился.

Но под водой солдаты, оказывается, не просто бродили как душе угодно.

Они работали.

Один поднял тяжёлый стальной трос и поволок за собой.

И другой солдат тоже взял стальной трос.

Два поплавка двинулись по воде навстречу друг другу.

А рядом со мной стоял старшина и внимательно смотрел на часы.

Пять минут. Десять... Сколько же солдаты продержатся под водой?

Всё. Отлично. Можно вылезать.

Солдаты выбрались из воды. Сняли маски. У них были красные, распаренные лица, словно после бани. Но смеялись солдаты весело. И отряхивались, точно после купания в речке.

И я подумал:

«Вот это занятия! Просто не занятия, а одно сплошное удовольствие!»

И мне самому во что бы то ни стало захотелось тоже спуститься под воду.

Конечно, я тут же сказал об этом командиру.

Командир пристально посмотрел на меня:

— А сумеете?

— Да что ж тут не сумею! — усмехнулся я. А про себя подумал: «Что я, не нырял никогда, что ли? Подумаешь — сложность!»

— Ладно, — сказал командир. — Только если что — сразу за сигнальную верёвку дёргайте.

Я разделся, надел спасательный жилет, примерил противогазную маску. Зажал нос проволочным зажимом, в рот вставил резиновый загубник — это для того, чтобы дышать только ртом. Старшина ловко обвязал меня вокруг пояса верёвкой. Я покосился через противогазные очки на эту верёв-

ку, но ничего не сказал: надо так надо.

В руки мне дали груз — мешок с песком.

А это для чего ещё?

Ах да, это чтобы вода меня на поверхность не выталкивала.

И я начал спускаться по железной лесенке.

Осторожно ступил на дно. Сделал шаг, другой. Ничего, вроде бы получается. Только дышать тяжело. Давит вода на грудь.

Ещё шаг, ещё...

И тут вдруг сбился с дыхания. Сразу почувствовал — мало воздуха! Начал хватать воздух ртом — ещё хуже! Словно подушку мне на лицо положили.

Нет, надо быстрее выбираться.

Оглянулся по сторонам — кругом вода колышется. Одинаковая. Куда идти?

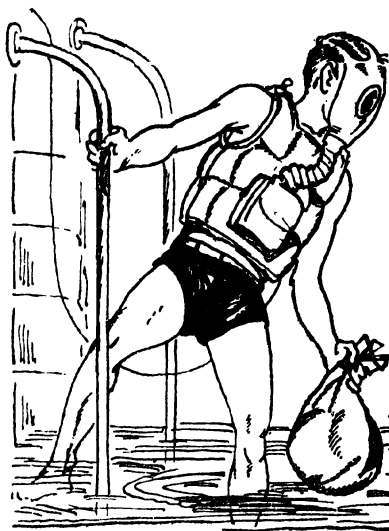
В ушах зазвенело. В глазах тёмные круги пошли.

Ещё не хватало, чтобы меня за верёвку вытягивали!

Бросился в одну сторону, в другую — совсем запутался.

«Спокойнее, — говорю себе. — Спокойнее».

Ещё раз огляделся и сквозь воду угадал чёрные перекладыны лесенки. Значит, совсем недалеко отошёл.

Скорее! Скорее!

Выбрался из бассейна, стянул маску. Ах как хорошо — свежий воздух! Дыши не надыхишься!

Командир спрашивает:

— Ну как?

— Ничего, — отвечаю.

Но он, наверное, по моему лицу и сам всё понял.

— В первый раз, — говорит, — всем трудно бывает. Без тренировки.

Потом я вытирался полотенцем и с уважением поглядывал на солдат, которые готовились спускаться в бассейн. Я-то и пяти минут под водой не пробыл, а выскочил как пробка. А они-то сколько!.. Да ещё тяжёлый трос таскают. Каково им?

И ещё я думал про себя:

«Со стороны-то, выходит, любое дело лёгким кажется. Пока сам не попробуешь».

КАК Я ЖДАЛ ПЕРЕКУРА

Сержанта Пирожкова я отыскал в танковом парке.

Вот уж где было интересно так интересно!

Никогда в жизни я не видел сразу столько танков.

Повсюду стоял звон и грохот. Сизый дым плавал в воздухе. А около танков возились солдаты в чёрных промасленных комбинезонах.

Сержант Пирожков проверял рацию в своём танке. Он крутил ручки настройки и щёлкал переключателями. Оказывается, танкист ещё должен быть и умелым радистом.

Я не стал мешать Пирожкову.

Я решил, что дождусь перекура и тогда поговорю с ним. Я был уверен, что ждать мне придётся недолго.

Когда-то я сам служил в армии и знал, что солдаты всегда не прочь перекурить. Потому что во время перекура обязательно кто-нибудь расскажет какую-нибудь весёлую историю. А после нелёгкой работы нет лучше отдыха, чем как следует посмеяться. Я уж не говорю о заядлых курильщиках, которым не терпится поскорее затянуться сигаретой.

И вот я отошёл в сторонку и стал терпеливо ждать.

Отсюда мне было хорошо видно всё, что делалось в парке.

Трое солдат натягивали на катки танка тяжёлую гусеницу. Двое других протачили аккумуляторы. Кто протирал ветошью смотровые щели, кто возился в двигателе, кто, забравшись под танк, орудовал гаечным ключом. Все были заняты работой.

Так прошёл час, а перекура всё не было.

«Ничего, — сказал я себе. — Уже недолго ждать. Это точно».

Один танк поводил из стороны в сторону стволom пушки, словно прицеливался. На другом танкисты прогревали двигатель. Они раскрывали рты и что-то кричали друг другу, но что — я не слышал, такой стоял грохот. Едкий дым вышибал слёзы.

Я посмотрел на часы. Прошло ещё сорок минут. Перекура всё не было.

«Ну уж теперь-то, — подумал я, — совсем скоро».

Солдаты время от времени скрывались в люках танков и снова появлялись на броне и опять исчезали в своих машинах. Руки у всех были чёрные и лица тоже перепачканы.

Так прошёл ещё час. Я почувствовал, что мое терпение кончается. И тут я увидел сержанта Пирожкова.

Он торопился куда-то с гаечным ключом в одной руке и с промасленной тряпкой — в другой. И лицо у него было озабоченным.

Я поймал его за рукав комбинезона.

— Послушайте, сержант Пи-

рожков, — сказал я, — у вас будет когда-нибудь перекур или нет?

Пирожков засмеялся:

— Так у нас весь экипаж некурящий! Был один курильщик — наводчик наш — так и тот позавчера бросил!

И добавил серьёзно:

— У нас, у танкистов, ведь как — поработаешь сейчас хорошо, и танк тебя не подведёт на занятиях. Поработаешь с прокладцей, и танк тебе тем же оплатит — намучаешься потом. Так что сейчас нам не до перекуров. Приходите вечером в казарму, поговорим.

И сержант Пирожков побежал дальше.

ПРЕПЯТСТВИЕ

Вот какую историю рассказал мне вечером в казарме сержант Пирожков.

— Есть у меня друг — Володя Кукушкин.

Во всей роте — да что в роте! — во всей части считается он лучшим механиком-водителем.

Про него наш командир лейтенант Громыхалов всегда говорил:

— Нет такого препятствия, которое не смог бы преодолеть танк, если им управляет рядовой Кукушкин.

А другой наш командир, капитан Дегтярёв, говорил:

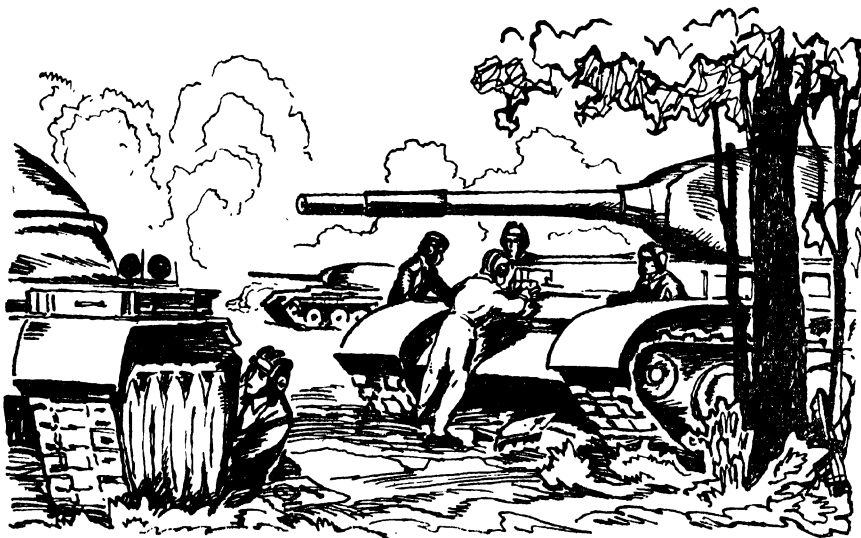
— Завяжите Кукушкину глаза, он и с завязанными глазами проведёт танк, как по ниточке.

А третий наш командир, офицер Каратыгин, говорил:

— Запустите танк с Кукушкиным в самое что ни на есть непроходимое болото — он и то выберется.

Другой бы человек на месте Володи Кукушкина, наверно, давно бы возгордился, но наш Володя Кукушкин оставался таким же скромным парнем, каким был, когда прибыл в армию.

И вот однажды приехали к нам в полк гости — комсомольцы с фабрики из соседнего посёлка. Пришли на танкодром, где учатся

солдаты водить свои боевые машины.

— Ну, — говорит Каратыгин Кукушкину, — доверяем вам исключительно важное дело — показать, на что способны наши танкисты. И чтобы всё было без сучка и задоринки.

— Есть! — говорит Кукушкин. — Без сучка и задоринки!

Надел он, как положено, комбинезон, надел танковый шлем и забрался в свой танк.

Комсомольцы, наши гости, кто на вышке стоит, чтобы виднее было, кто возле вышки, кто в бинокли смотрит, а кто — просто так. И мы все, солдаты, товарищи Кукушкина, стоим тут же.

Вот подал майор по радио команду: «Вперед!» Загрохотал танк, выбросил облако сизого дыма и рванулся с места. Только пыль завилась из-под гусениц. И хоть знаем мы, какой отличный водитель наш друг Кукушкин, а всё равно волнуемся — мало ли что бывает.

И вот мчитесь танк с Кукушкиным всё вперёд и вперёд.

А на танкодроме, надо сказать, каких только препятствий нет! И крутой подъём в гору, и отвесный спуск, и самый настоящий противотанковый ров, и узенький

мост — чуть ошибёшься, и всё, застрял.

Только для нашего Кукушкина все эти препятствия не препятствия.

Одно — позади.

Второе — позади.

Третье — позади.

Молодец Кукушкин! Знай, ребята, наших!

Взобрался танк на гору и аккуратно спустился.

Нырнул в ров и тут же задрал нос к небу — выбирается.

И уже несётся, грохоча, по прямой к мосту.

Лишь пыль клубится над ним.

— Нет такого препятствия, — объясняет нашим гостям лейтенант Громыхалов, — которое не мог бы преодолеть танк, если...

И вдруг замолчал лейтенант Громыхалов на полуслове.

Что такое?

Мы даже глазам своим не поверили.

Замер танк, остановился как вкопанный.

Что случилось? Никогда такого не бывало. Неужели отказал мотор?

Видим издали — открывается крышка люка и выбирается Кукушкин из танка. Повозился что-

то возле гусеницы и назад — в люк.

Тронулся танк. Но время-то уже потеряно!

Лейтенант от досады даже зажмурился.

— Эх! — говорит. — Надо же, чтобы именно сегодня такое случилось. Подкачал Кукушкин. Опозорился перед нашими гостями!

А танк уже рядом. Остановился. Пыль вокруг оседает. Откинулась тяжёлая бронированная крышка, и из люка высунулась голова Кукушкина.

— Принимайте, — говорит, — пассажира!

А на ладони у него — видим — свернулся маленький ёжик.

— Чуть под самую гусеницу не угодил, — говорит Кукушкин. — И как только я его заметил!

Вот тебе и препятствие!

НА ТАНКОДРОМЕ

Конечно, — вы понимаете — теперь я не мог уехать, не отыскав Кукушкина.

Кукушкин был на танкодроме. Пока я добирался до танкодрома, стало уже совсем темно.

«Эх, — думаю, — опоздал. Кто же будет в такой темноте заниматься?»

Но вижу — возле вышки, у фонаря, офицеры стоят, танкисты толпятся.

А где-то совсем рядом в темноте танк грохочет.

Грохот всё ближе, ближе. Нарастает.

Мне даже не по себе стало. Долго ли танку в такой темноте на нас наскочить? Я на всякий случай поближе к фонарю подошёл, чтобы меня виднее было.

И тут из темноты танк вынырнул.

Фары не светятся. Тёмный весь. Остановился танк. Сразу тихо стало.

Открылся люк, и из него выпрыгнул невысокий солдат.

— Товарищ майор, — докладывает командиру, — рядовой Кукушкин упражнение выполнил!

«Что за чудеса? — думаю. — Я в такой темноте два шага сделал и то о камень споткнулся, чуть не упал. Как же он танк водит?»

Наверно, я вслух эти слова произнёс, потому что майор дотронулся до моего локтя и говорит:

— Ну-ка, товарищ корреспондент, забирайтесь в танк! А теперь смотрите!

Взглянул я в смотровую щель и ахнул! Что такое? Вижу дорогу, залитую зеленоватым светом. И каждый камень вижу. И дерево справа от дороги вижу. И кусты слева темнеют.

Может быть, пока я в танк забирался, луна вышла?

На всякий случай я даже наружу выглянул. Нет, по-прежнему вокруг кромешная тьма. Хоть глаза выколи.

Снова к смотровой щели приник. Дорога. Камень. Кусты. Всё видно.

Прямо волшебство какое-то!

— Что? — смеётся майор. — Глазам не верите? Такие у нас те-

перь приборы есть, что и в темноте видят.

— Честное слово, — говорю, — даже вылезать не хочется.

— А вы и не вылезайте, — говорит майор. — Сейчас мы домой отправляемся. Поедете вместе с нами.

И я поехал в танке, как настоящий танкист.

РАБОТА ИДЁТ НОРМАЛЬНО

— Что я! — сказал Кукушкин, когда мы вернулись в казарму. — Вот у меня есть друг! Степанов его фамилия. Смелый человек. Можно даже сказать отчаянный.

И я подумал: «Как бы мне теперь не пришлось ещё искать этого Степанова. И если дальше дело пойдет так же, то мне, пожалуй, так никогда и не удастся вернуться в редакцию».

— В прошлом году тут, недалеко от нас, километров за пятьдесят, обнаружили минное поле. Старое минное поле, ещё от войны осталось. Сотни мин, говорят, там

были. И вот сапёры наши поехали разминировать это поле. А вместе с сапёрами надо было послать танкистов — опытных механиков-водителей...

— Зачем же танкистов? — удивился я.

— Как зачем? Помогать сапёрам. Это раньше танк боялся каждой мины. А теперь нет. Теперь впереди танка катится трал. Идёт такой танк, медленно идёт и утюжит поле. Вот мины и взрываются.

— А это опасно? — спросил я.

Кукушкин пожал плечами. И я сам понял, что задал глупый вопрос.

— Подумали, подумали наши командиры и послали Степанова. Собрался он, взял свой вещмешок и уехал. Уехал, и нет от него писем. Пять дней прошло, неделя, десять дней — ничего нет. Я уже беспокоиться начал — мало ли что может случиться. Что ни говори, мины есть мины, каждый день человек жизнью рискует. Иногда прислушаешься — кажется, из-за леса взрывы доносятся. Рвут мины. А может, только казалось мне, что слышал, не знаю. Наконец, почтальон приносит письмо. Разрываю конверт, тороплюсь, волнуясь. Читаю. Да вот хотите — сами прочитайте, сохранилось у меня это письмо.

Ещё бы я не хотел! Человек каждый день, как на войне, подвергался опасности. Наверняка, о героических случаях в своём письме рассказывает.

Кукушкин порылся в тумбочке и протянул мне письмо. Это был помятый тетрадный листок, и от него пахло солёной и бензином.

«Володя, привет! — прочёл я. — Пишет тебе твой друг и однопольчанин Николай Степанов. Вот уже десятый день, как я на новом месте. Живу хорошо, только комары донимают, здесь их тысячи. Обязательно пришли мазь от комаров. А в остальном работа идёт нормально. Больше писать нечего. Привет всем ребятам. Николай».

Я представил себе, как медленно движется танк Степанова по

минному полю, как впереди с грохотом рвутся мины и, свистя, летят осколки и срезают ветви деревьев...

Работа идёт нормально.

И понял — пусть я опоздаю в редакцию, пусть со мной делают, что хотят, но Степанова мне надо отыскать во что бы то ни стало.

— А где... — начал было я, но Кукушкин понял меня с полуслова.

— Степанов где? — сказал он. — Далеко Степанов. Уехал уже, демобилизовался. Теперь на заводе работает.

И я по-настоящему пожалел, что так и не увижу этого человека.

О ЧЕМ Я ДУМАЛ, КОГДА ЕХАЛ ОБРАТНО

На другое утро я распрощался с танкистами и отправился назад, к себе в редакцию. Наверно, ре-

дактор уже ждал меня там и сердился за то, что я так долго не возвращаюсь.

И пока я ехал обратно, я вспомнил, как не хотелось мне отправляться к танкистам, и все свои мысли тогдашние вспомнил, и мне стало даже немножко стыдно.

Сколько нового узнал я за один лишь день!

Оказывается, это только на вид танк не очень изменился. А на самом деле...

Ходит под водой.

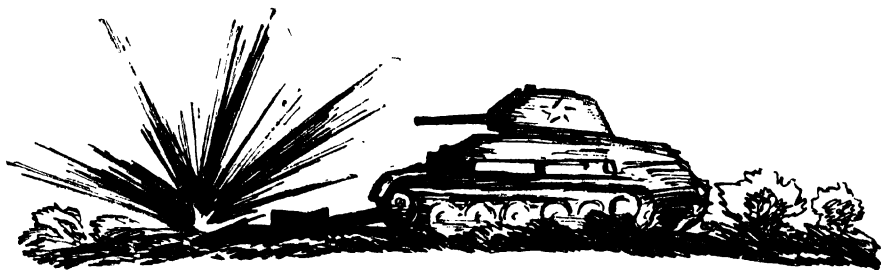
Метко стреляет.

Уничтожает мины.

Преодолевают препятствия.

Видит в темноте.

Вот, оказывается, какая умная машина наш танк! Вот, оказывается, какой сложной и грозной машиной управляют наши танкисты!

НА РАНЕНОЙ САМОХОДКЕ

...Экипаж гвардии младшего лейтенанта Зиновия Зусмановского вступил в бой на повреждённой самоходке. В течение трёхдневных боев экипаж нанёс противнику потери, могущие быть результатом действий целого танкового подразделения...

(Из ходатайства о награждении)

Едва самоходка выбралась на противоположный склон рва, Зиновий увидел наведённый на них из кустов жёлто-зелёный ствол «пантеры». Даже команды отдать не успел — в ту же секунду подыхнул огонь и машину сильно трянуло. Заглохли двигатели. Задирая вверх пушку, самоходка начала медленно сползать обратно.

Несколько секунд танкисты сидели в тишине. Рядом шёл бой. Автоматные очереди полосовали просеку, а для них четверых время как бы остановилось.

Через люк водителя вылезли наружу.

— Приготовить гранаты и занять оборону, — приказал Зиновий. Яснее ясного — «пантера» сейчас попытается добить их. Однако фашистская машина не появлялась. Оставив заряжающего наблюдать за просекой, собрались у разбитой гусеницы.

Снаряд вырвал несколько траков. Но то пустяки. Главное — разворочен «ленивец» — небольшое колесо, удерживающее гусеницу в натянутом положении.

Галиулин опустился возле машины на колени и своими мягкими от масла руками водителя без конца ощупывал развороченное колесо. Наконец он встал и с сомнением покачал головой.

— Навоевались, — сказал он, отвернувшись и плюнул.

Командир во всём винил одного себя. И как это он проворонил?! Младший лейтенант чуть не плакал от обиды. Ведь всё началось так удачно...

Утром самоходка получила приказ сопровождать штурмовую группу. Чуть только засветлело, Зиновий отправился к машине. Он рассчитывал сам проверить её перед боем. Конечно, он доверял своему экипажу, но, будучи только что «испечённым» командиром, считал, что перед боем всё нужно десять раз перепроверить. Пусть ребята пока поспят, а он один справится с осмотром. Так думал он, направляясь к кустам, где стояла замаскированная их СУ-85.

Ещё издали он услышал ровный знакомый рокот. Так и есть, Галиулин уже прогрел двигатели. И вообще, кроме командира, весь экипаж был в сборе. Доложив, что двигатели работают отлично, ходовая часть проверена, смазана, механик нырнул в свой люк. Зиновий окинул взглядом самоходку. На броне заметил немецкий пулемёт. Ещё вчера его не было. Зиновий догадался, чьих это рук дело: заряжающий Федя Шаповалов всегда старался прихватить с собой какое-нибудь дополнительное оружие. Танкисты посмеивались над ним, но что поделаешь — любил Федя всё стреляющее. Заглянув в машину, Зиновий чуть не ахнул: дотошный заряжаю-

щий превратил самоходку в настоящий склад снарядов. Острые их головки торчали всюду, где только Федя мог отыскать свободное место.

Подожёл капитан, командовавший штурмовой группой.

— Броня крепка и танки наши быстры? — весело спросил он. — На вас вся надежда, ребята. У пехоты ничего кроме лёгких пулеметов и одной «сорокопятаки» не будет...

— Мы своё сделаем, — сказал Зиновий, помахивая сорванной веткой. — Только скажите своим, пусть зорче следят за «фаустниками». Прозевают «фаустника» — нам хана.

По белой ракете самоходка во главе большой группы пехоты медленно двинулась по просеке. По бокам темнели кусты.

«Удобное место для засады», — подумал младший лейтенант и приказал остановить машину. Внезапно в редящем тумане справа от себя он увидел силуэт громадного танка. Фашист тоже заметил самоходку — пригибая ветки, танк медленно поворачивал похожую на бревно пушку.

Наш наводчик оказался проворней. Поймав в перекрестье прицела серую машину «тигра», Намётов нажал спуск. Багряно-чёрный столб дыма и пламени взметнулся над кустами.

Самоходка двинулась дальше. Вот к этому проклятому рву...

Здрав орудие, СУ-85 беспомощно стояла на дне рва. Танк с повреждённой ходовой частью ещё способен продолжать бой: его башня имеет поворотное устройство. Самоходка же, потеряв ход, выходит из игры, становится мишенью. Башня её — увя! — наглухо влита в корпус.

Забравшись на самоходку, младший лейтенант связался по радиации с командиром полка. Доложил обстановку. Командир минуту молчал, видимо чертыхаясь про себя: у него не было других машин, чтобы поддержать на этом направлении пехоту, потом ска-

зал, что высылает ремонтную бригаду с запчастями.

В ров скатился капитан, командир штурмовой группы.

— Ну что, броня крепка? Долго в яме отсиживаться будем? — спросил он, глядя на разорванную гусеницу и ещё не понимая всей непоправимости случившегося.

— Иди ты со своими шутками... — огрызнулся Галиулин.

— Да я серьёзно, ребята, — растерялся вдруг капитан, вытирая платком ссадину на лбу. — Если не поможете, сомнут они нас.

— Как тут поможешь? — стукнул сапогом по каткам водитель. — Они, сволочи, всё тут нам разбили.

— Может, всё-таки как-нибудь... — просил капитан. — Сделайте ребята, а? Если нужна помощь — пришлю людей. — Он просительно заглядывал в лицо каждому и, постояв ещё немного, ушёл.

— Может, попробуем натянуть гусеницу через каток? — предложил Галиулин.

Младший лейтенант и сам думал так же. Это была единственная возможность, не дожидаясь ремонтников, оживить самоходку. Правда, оживить только наполовину. Отремонтрованная таким образом, она будет двигаться. Но маневренность исчезнет. Машину станет постоянно заводить в сторону укороченной гусеницы. Вести бой на такой самоходке — идти на верную гибель.

А противник тем временем активизировался. Плотный пулемётный огонь прижал пехоту к земле. Откуда-то из-за леса стали бить миномёты. Если сейчас не возобновить атаку, то попытка штурмовой группы прорваться к населённому пункту захлебнётся, а сама группа будет уничтожена.

Орудия гаечным ключом, ломом и кувалдой, Галиулин снял остатки разбитого колеса. Сбивая в кровь руки, напрягаясь из последних сил, натянули гусеницу через каток. Теперь всё будет за-

висеть от чёткости и слаженности действий экипажа. Ну что ж! Отвага города берёт. Недавно читали приказ по полку о награждении командира самоходки СУ-76 младшего лейтенанта Власенко, который, не имея под рукой никакого другого оружия, кроме нагана, бросился на вражеский танк и через люк застрелил водителя. Казалось бы, уж что может человек с наганом против такой бронированной машины, а вот — сумел. Не испугался.

Когда всё было готово, командир передал на КП, что экипаж идёт в бой.

— На чём? — спросили с командного пункта.

— На своей машине, — ответил Зиновий и доложил о саморемонте.

— Спасибо, — сказал командир. — Молодцы! Передай экипажу — всех представляю к награде!

Самоходка вздрогнула, ожила и, чуть забирая влево, выбралась изо рва. Сквозь грохот двигателей танкисты слышали раскатистое

«ура!» — это пехота приветствовала ожившую броневую машину. Искусно работая рычагами, Галиулин вёл самоходку по просеке. То и дело приходилось притормаживать правую гусеницу. Хотя и не было у машины былой резвости, она двигалась вперёд, увлекала за собой пехоту, била осколочными по огневым точкам, давила гусеницами.

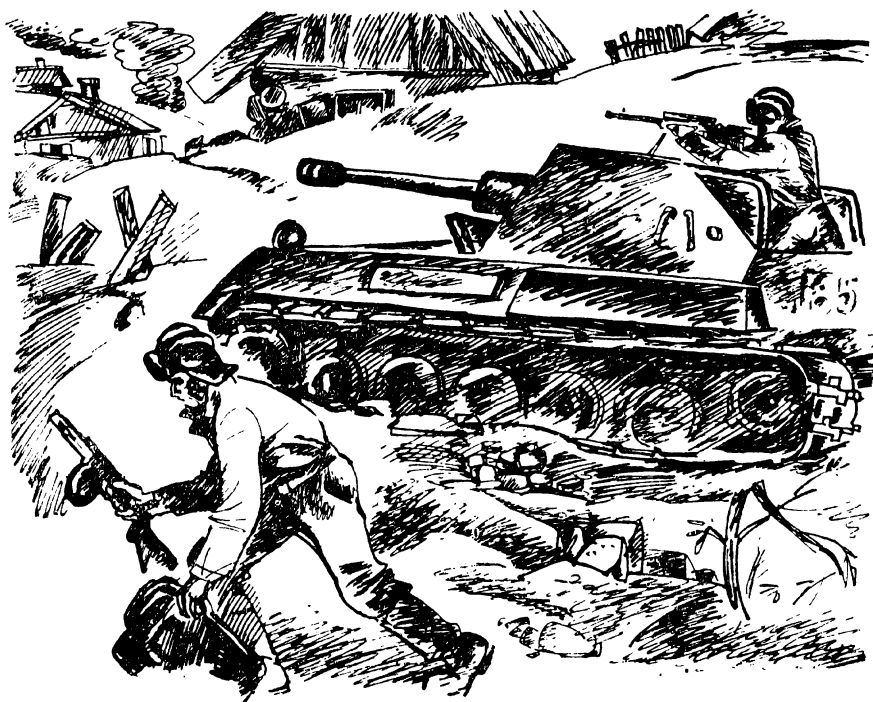
Высунувшись из люка, Федя Шаповалов, прильнув к трофейному пулемёту, косил в упор метавшихся перед машиной гитлеровцев. Успевал Фёдор и к орудию, ствол которого раскалился от беспрерывной стрельбы.

Впереди снова появился кустарник. Младший лейтенант снова приказал остановить самоходку. Высунулся из люка и стал в бинокль рассматривать каждый кустик.

Наводчик потянул его снизу за гимнастёрку:

— Жить надоело? Хотите нас без командира оставить?

— Лучше остаться без командира, чем получить ещё снаряд в

ходовую часть... Вот она, каналья, затаилась...

Наводчик тоже заметил замаскированную в кустах противотанковую пушку. Изловчившись, Галиулин развернул машину. Фонтаном взметнулась земля. Пушки как не бывало. В знак одобрения командир легонько хлопнул наводчика по плечу. Тот кивнул. Они без слов понимали друг друга. А ведь ещё недавно было иначе. Когда младший лейтенант пришёл на СУ-85, экипаж встретил его насторожённо. Прежний командир, опытный кадровый офицер, погиб в бою, а Зиновий был непростительно розовощёк и молод, только что из училища, пороку настоящего, как говорится, еще и не нюхал и конечно же в глазах самоходчиков уступал прежнему командиру по всем статьям.

Но вскоре самоходка получила задание поджечь полуразрушенный дом. Гитлеровцы засели в развалинах и плотным огнём сдерживали пехоту.

Выдвинувшись из-за укрытия, СУ-85 сделала залп по развалинам. Поднялось облако пыли. Часть стены обвалилась. Но стоило пехоте подняться — из подвалов вновь открыли огонь. Снова залп. И снова дом не горит. По рации с КП запрашивают, почему СУ-85 не выполняет приказ. Экипаж смотрит на командира. Как он поступит?

Тогда Зиновий хватается канистру с бензином, вылезает из самоходки и ползёт к развалинам.

Три пары глаз следят из машины за ползущим. Фашисты тоже заметили танкиста, ударили из пулемета. В ответ СУ-85 грохнула по подвалам. Пулемёт замолчал. Этих секунд было достаточно, чтобы сделать рывок к дому. Столб пламени взметнулся над логовом фашистов. Лёд между новым командиром и экипажем был сломан.

...Выскочив из леса, самоходка

оказалась метрах в двухстах от высокой насыпи, по которой проходила дорога. По ней двигалась колонна немецких автомашин и бронетранспортёров.

И опять механику-водителю пришлось поработать, чтобы наводчик мог делать своё дело.

Со второго выстрела они подожгли головную машину. Затем, как делается в таких случаях, огонь перенесли на последнюю. Закупорив таким образом дорогу, принялись расстреливать подряд. Вскоре шоссе превратилось в огромный костёр.

День перевалил за вторую половину, а бой не утихал. Вот когда сгодился запас снарядов предусмотрительного Феди!

На опушке леса вступили в новую дуэль — запылал ещё один «тигр». Когда пехота прочно овладела посёлком и бой был выигран, гусеница снова вышла из строя. Пропавшие порохом, измождённые, самоходчики вылезли наружу. Наконец-то можно хлебнуть чистого воздуха.

Друзья обнялись. Кто-то достал и протянул Галиулину платок. По лицу механика-водителя текла кровь... Оказывается, он был ранен ещё в начале боя...

На следующий день фронт узнал о подвиге гвардейского экипажа.

В архивах Министерства обороны и сейчас хранится один любопытный документ: «Комсомольским экипажем гвардии младшего лейтенанта З. А. Зусмановского за время боевых действий с 20 по 23 апреля 1945 года сожжено 2 танка типа «тигр». Подбито 4 танка типа «пантера». Разбита колонна автомашин с боеприпасами, горючим и другим военным имуществом в количестве до 50 штук. Разбито 4 противотанковых орудия и уничтожены расчёты. Уничтожено до 200 солдат и офицеров противника. Подавлено 24 пулемётные точки».

Рис. В. Панова

**Виктор
ГОЛЯВКИН**

**Рисунки
Г. Ясинского**

ДВА ПОДАРКА

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ папа подарил Алёше ручку с золотым пером. На ручке были выгравированы золотые слова: «Алёше в день рождения от папы».

На другой день Алёша со своей новой ручкой пошёл в школу. Он был очень горд: ведь не у каждого в классе ручка с золотым пером и золотыми буквами! А в этот день учительница забыла дома свою ручку и попросила на время у ребят. И Алёша первый протянул ей своё сокровище. И при этом подумал: Мария Николаевна обязательно заметит, какая замечательная у него ручка, прочтёт надпись и скажет что-нибудь вроде: «Ах, каким красивым почерком написано!» или «Какая прелесть!» Тогда Алёша скажет: «А вы взгляните на золотое перо, Мария Николаевна, самое настоящее золотое!»

Но учительница не стала разглядывать ручку и ничего такого не сказала. Она спросила урок у Алёши, но он его не выучил. И тогда Мария Николаевна поставила в журнал «двойку» его же замечательной ручкой. Вывела ему «двойку» золотым пером и вернула ручку.

Алёша, ошалело глядя на своё золотое перо, сказал:

— Как же так получается? Вот так получается!..

— Ты о чём, Алёша? — не поняла учительница.

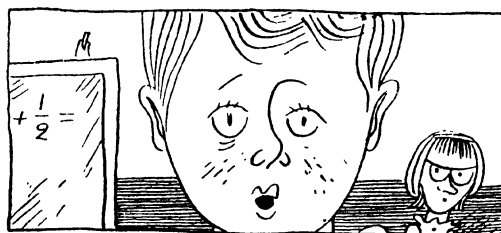
— О золотом пере... — сказал Алёша, — разве можно ставить «двойки» золотым пером?

— Значит, сегодня у тебя не золотые знания, — сказала учительница.

— Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею «двойки» ставили? — сказал Алёша. — Вот так номер! Какой же это подарок?!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Ручку тебе папа подарил, а сегодняшний подарок ты себе сам-сделал.

Яков Пинясов

Заслуженный поэт Мордовии

Берёзка

Для меня берёзка — часть России,
Есть она, и будет, и была...
...Вот берёзку росы оросили,
И она стоит белым-бела.
Ты, берёзка, искренне поведай
Эту быль подснежникам весны,
Как ждала меня, ждала с победой
Сорок с лишним месяцев
С войны!
Сколько раз осколки били в каску,
Но живым я вышел из огня!
Верил я не в сказку, не в сказку,
А — в берёзку,
Ждущую меня.
...Снова у родного перекрёстка
Я стою, взволнованный,
С утра, —
Вот она, заветная берёзка,
Белая,
Как будто медсестра!

У вечного огня

У вечного огня
Стоим в молчанье строгом.
Кто похоронен здесь?
Мой дед, отец или брат?
У вечного огня
Мы думаем о многом,
И в чуткой тишине
Сердца живых стучат.
Кудрявится листва,
И в небе столько сини,
И всем нам отчий край
Неповторим и мил!
...Я низко поклонюсь —
Тут спит Солдат России,
Однажды
Смерти путь
Он сердцем преградил!

З и м а

Разукрасил иней сад,
 И заря — краснее меди,
 И сугробы сыто спят,
 Словно белые медведи.
 Помню —
 С детства я любил
 Бодрый дух
 Зимы некроткой! —
 Ночью месяц выгнут был,
 Как козлиная борода,
 На стекле окна цвела
 То ли пальма, то ли роза,
 Ночь была белым-бела
 И звенела от мороза!
 Детство!
 Шустрые коньки,
 И на льду —
 Следы-первинки,
 И за мной вперегонки
 Мчались звёзды и снежинки!
 ...Иней, словно бахрома,
 Опустил деревья утром.
 Я люблю тебя, зима!
 Я шагаю
 Первопутком!

В л е с у

Сосны, как стройные свечи,
 С вечнозелёным огнём!
 Вскинул могучие плечи
 Дуб
 В голубой окоём.
 Льётся туман через кочки,
 А невдали соловьи
 Дарят мне лучшие строчки —
 Песни лесные свои!
 Как необычно приятен
 Воздух
 С настоями смол!
 ...Лес, мой высокий приятель,
 Я к тебе в гости пришёл!

Перевел с мордовского
 Сергей МАКАРОВ

Рис. В. Адаева

6.

Но мы несколько отвлеклись, а уже смеркается. Пора на пограничный корабль.

Чувствуете, как его покачивает на волнах — мягко-мягко, с борта на борт? Это потому, что он идёт вдоль побережья. Ходу часа на два с небольшим. Ночь коротка, поэтому вышли засветло. И только теперь небо померкло, лишь краешек его ещё едва голубеет, и выпали звезды, словно день пооборвался в пути, оставил на невидимых в темноте ветвях обрывки светящейся своей одежды, и вот они дрожат, переливаются, тронутые тёплым ветром.

Капитан Мишин приказал Лене и Егорушкину поспать в матросском кубрике. Егорушкин спит. У солдат вообще удивительное свойство — засыпать в любое время суток и просыпаться бодрым в любую минуту.

А Лена взбудоражена, ей не уснуть. Она поднялась по

узенькому трапу на палубу и всматривается в притихший чёрный берег, где то и дело вспыхивают лучи одиноких прожекторов, прокладывают в море дорожку ослепительной голубизны и шарят, перебирают волны.

Дежурный сигнальщик с любопытством поглядывает на неё сверху, с прожекторной площадки. И командир корабля, капитан-лейтенант, поглядывает на неё из рулевой рубки. Рядом с ним стоит капитан Мишин.

— Как зовут девушку?

Мишин обернулся. Увидел Лену. Нахмурился.

— Товарищ Мишина.

— Однофамилица?

— Сестра.

— Товарищ Мишина, — позвал капитан-лейтенант, — подымайтесь к нам в рубку.

Лена улыбнулась, прошла по палубе, нетвёрдо ступая.

— Впервые на корабле?

— Впервые.

— Нравится?

— Очень.

— Не указывает?

— Нет-нет. А верно, что

Окончание. Начало в «Искорке» № 1 за 1971 г.

женщина на корабле приносит несчастье?

— Я не суеверен, — сказал капитан-лейтенант. — А вообще-то да.

— А я слышала, что есть даже женщины-капитаны, — сказала Лена с вызовом.

— То — на судах, а это — корабль. Кораблём именуется военное судно. В отличие от гражданских, которые именуются просто судами.

— Спасибо за справку.

— Почему ты не спишь? — сердито спросил Мишин.

— Я же не прошла боевой и политической подготовки. Я могу уснуть только по собственному желанию. — Лена вздохнула и развела руками: дескать, что поделывать! — Но я со временем научусь искусству засыпания. Я потренируюсь.

Матрос, стоявший у руля, фыркнул, сдерживая смехок.

— На румбе? — спросил строго капитан-лейтенант.

Матрос ответил.

— Так держать.

— Есть так держать!

Край неба погас. Стало темно.

— Капитан Мишин, — сказала Лена. — Они поймают нас прожектором ещё в море. И встретят на берегу.

— Не поймают, — усмехнулся Мишин.

— Почему ты так уверен?

— Военная хитрость. Этот корабль проводит учение, и в связи с этим район моря, где он будет находиться, в течение сорока минут не будет освещён.

— А разве прожектора не светят, когда захочется?

— На границе нет такого понятия «хочется — не хочется». На границе есть приказ.

— Извини, я такая безнадёжно штатская!

— Подходим, — сказал капитан-лейтенант.

Корабль замедлил ход. Матросы, словно тени, метнулись на нос. Смолкли машины, корабль перестал дрожать, притих, и стало слышно, как плещутся о борт волны. Потом прогрохотала якорная цепь.

На палубу вышел Егорушкин.

— Готовьтесь, — сказал капитан-лейтенант. — Вода как парное молочко.

— Раздевайтесь, — кивнул Мишин. — Пойдёте сначала на шлюпку. А там — вплавь. Выходить из моря только по руслу ручья. Ясно, товарищ сержант?

— Ясно, товарищ капитан.

Егорушкин снял пиджак и рубашку, сел на палубу, стал расшнуровывать ботинки.

Лена скинула туфли и вместе с платьем отдала их Егорушкину. Тот всю одежду сунул в непромокаемый мешок, куда был уложен и сухой паёк. Не ходить же лесными тропами в одних мокрых трусах или купальнике!

Тем временем спустили шлюпку. Мишин сказал:

— Желаю успеха.

Лена и Егорушкин прыгнули в шлюпку. Матросы по команде немолодого мичмана разобрали вёсла, и операция «Осечка» началась...

Чёрный берег надвигался. От него пахло морской травой и перегретыми за день соснами. Когда он придвинулся совсем близко, перестали грести. Мичман сказал шёпотом:

— В воду. Давай.

Первым перевалился через корму Егорушкин, стараясь не плескаться, хотя у берега шумел лёгкий накат. Лена подала ему мешок с одеждой и припасами, потом тоже соскользнула в море вперёд ногами.

Мичман помахал им рукой, шляпка стала удаляться и растворилась в ночи.

Вода была действительно тёплой как парное молоко. Егорушкин и Лена поплыли бесшумно, как заправские диверсанты. Когда доплыли до берега, Егорушкин сказал шёпотом:

— Сидите в море, на урез не выходите — наследи́м.

Он отдал Лене мешок, а сам торопливо побрёл по воде, отыскивая русло ручья. Через несколько минут он вернулся.

— Точно высадились. Пошли. Только не следите, а то и уйти не успеем, засекут. Я ведь наших знаю.

Лена побрела по воде вслед за Егорушкиным. Вскоре они дошли до почти совсем пересохшего ручья и свернули в его русло, стараясь ступать в тоненькую струйку бесшумной воды, чтобы она замыла их след. И тотчас наткнулись на плетень, которым предусмотрительные пограничники перегородили ручей.

— Наших не проведёшь, — довольно кивнул Егорушкин. — М-да. Давайте-ка я вас переправлю. — Он обхватил Лену за талию, легко оторвал от земли, пронёс над высоким плетнём. — В воду ступайте.

Лена шлёпнулась на пятки, разбрызгивая струйку, и чуть не упала. Подумала изумлённо и уважительно: «Здоровенный какой, во мне же шестьдесят килограммов, да мешок».

— Ну-ка помогите, — прошептал Егорушкин. — Пле-

тень бы не сбить. Наших не обманешь!

Лена протянула ему руки с той стороны плетня.

— Стойте крепче, — прошептал Егорушкин, оперся о её плечи крепкими ладонями и, подпрыгнув, перебросил своё тело через плетень. Одна нога его ступила на песок.

— Чёрт, — выругался Егорушкин, наклонился, стёр след и даже подул на него. — Пошли.

Они двинулись вверх по ручью, по узкой струе воды. Кругом стояли тёмные притихшие сосны и неодобрительно перешёптывались, шурша иглами. Впереди шёл Егорушкин, всматриваясь во тьму, Лена дышала ему в затылок. И когда он внезапно остановился, она наткнулась на него.

— Так не ходят, — сказал Егорушкин тихо. — Надо интервал держать.

— Хорошо.

— Попробуем перепрыгнуть песчаную полосу. Вот здесь, где поуже.

Лена кивнула. Егорушкин снял с плеча мешок, сунул ей в руки. Легко прыгнул к ближайшей сосне.

— Кидайте.

Лена бросила ему мешок и, когда он подхватил его на лету, прыгнула сама.

— Однако вы ловкая, — сказал Егорушкин.

— Да и вы не промах, — прошептала Лена.

Они прислушались к говору сосен.

— Кстати, как вас зовут? — спросил Егорушкин.

— Агент двадцать два — тридцать три. А вас?

— Анна — три — сорок — двадцать четыре.

Они засмеялись тихонько.

— А если серьёзно?

— В детстве меня звали Леной.

— А меня Женей. Будем знакомы.

— Холодно, — сказала Лена.

Егорушкин присел на корточки у сосны, развязал мешок, достал одежду.

— Одевайтесь. Ещё плащи есть.

Лена выжала купальник, оделась.

— Готовы? — глухо спросил Егорушкин.

— Готова.

— Тогда пошли. Надо отойти как можно дальше от берега.

Они шли лесом по мягкому настилу из опавших сосновых игл. Иногда под ногами коротко трещала сухая ветка. И каждый раз Лена вздрагивала, словно она была и в самом деле чужая на чужой земле и всё кругом, даже сухие ветки, было враждебно ей. Её охватил азарт, она даже дышать старалась потише. Так бывает с заигравшимися детьми. А разве она и Женя Егорушкин не походили сейчас на играющих в удивительную игру детей? Вот они крадутся пробираются незнакомым лесом. И звёзды, поглядывая сквозь кроны сосен, уже не кажутся беспечно трепетными, они смотрят со своей немислимой высоты настороженно, будто в

крадущихся людях и для них таится опасность. Словно могут эти люди влезть на дерево, достать до звезды и — чем чёрт не шутит! — упрятать её в свой мешок.

А сосны, они словно нарочно вытащили из-под земли жёсткие корни, так и суют их под ноги. Надо было надеть башмаки, а не босоножки. Ведь знала же, что не по асфальту ходить придётся.

Егорушкину лес казался привычным, таким же, как на своей заставе. И о звёздах он не думал, и спотыкался меньше. Шагать в ночи — привычное дело. Служба. Шагать, подмечая всё, что вокруг. Запоминая, сопоставляя. Вот старый пень расщеплён топором. Верно, приезжали на рыбалку и искали личинки короедов. На них в мае хорошо язык берёт. К шуршанию сосен примешался шум листвы. Впереди низинка? И верно, через несколько шагов потянуло прохладой.

Перешли ковёр из мягкого мха, поднялись снова.

— Не устали? — обернулся Егорушкин. — Скоро светать начнёт.

— Нет-нет...

И они всё шли и шли, а шум моря позади становился всё невнятнее и наконец совсем растворился в тишине ночного леса. Лена и не заметила, когда он исчез.

А потом небо побледнело, и звёзды стали гаснуть одна за другой. И словно бы от них, пока они сверкали, исходило тепло, потому что вдруг похо-

лодало и Лена почувствовала озноб.

Егорушкин то ли угадал её состояние, то ли тоже почувствовал этот предутренний холод. Он остановился и достал из мешка два солдатских плаща.

— Завернитесь-ка.

Лена закуталась в плащ, но он был пропитан той же сырой прохладой, что и воздух вокруг, и земля, и примолкшие, насторожившиеся сосны.

— Он, собственно, не для тепла, — пояснил Егорушкин. — Он от собак. Когда собака на вас кинется, стойте на месте, дайте ей вцепиться в плащ.

— Собака? — испуганно спросила Лена.

— Разумеется, в поисковой группе будет служебная собака.

— Понятно.

— Если от неё убегать или отбиваться, она и в горло вцепиться может.

— Да? — Лену трясло, не то от холода, не то от того, что она отчётливо представила себе, как на неё набрасывается здоровенная овчарка.

Вскоре Егорушкин остановился, огляделся внимательно, выбрал местечко поудобнее, под высокой сосной.

— Можно отдохнуть.

Лена увидела маленький подосиновик с коричневой головкой, сорвала его, повертела в руках.

— Есть хотите? — спросил Егорушкин.

Она не знала, хочет есть или нет. Ей хотелось сейчас только

согреться, потому, что влажная прохлада пробралась, кажется, уже до самых костей и всё вокруг было холодным. Она бросила маленький подосиновик, который словно жёг пальцы. Потом Лена тихонько подошла к Егорушкину, села рядом, забралась под полу его плаща, прижалась спиной к его тёплому боку.

Так они сидели молча некоторое время. Лена отогрелась. А Егорушкин шелохнуться боялся. Ему стало вдруг очень хорошо, удивительно хорошо оттого, что вот эта незнакомая девушка так доверчиво отогревается возле него, Женьки Егорушкина.

А между тем лес ожил. Первые золотые нити запутались в соснах. И вдруг из-за стволов появилась косуля. Она остановилась и устремила взгляд огромных лиловых глаз на сосну, к которой приросли два

странных существа. Ветер донёс до неё запах человека, запах опасности. Но люди обычно двигаются. Может быть, это вовсе не люди? Косуля повела ушами, постояла немного, пытаясь разгадать эту странную загадку. Но она была всего-навсего косулей и, так ничего не поняв, бросилась в сторону и исчезла.

— Какая прелесть! — сказала Лена. — Кажется, мне уже хочется есть. — Она отстранилась от Егорушкина, но так мягко и неторопливо, что у него сохранилось ощущение, будто она всё ещё рядом.

Он потряс онемевшей рукой, непослушными пальцами развязал мешок. Достал припасы. Острым ножом отрезал ломти от кирпичика хлеба. И они стали завтракать. О, это был удивительный завтрак! Хлеб с маслом и колбасой и кусочки пилёного сахара. Всего-навсе-

го. Но Лене казалось, что вместе с маслом на хлеб намазали солнце, и сосновую смолу, и ещё что-то, чего никогда не получишь в городе. Она откусывала от бутерброда неторопливо и жевала медленно, наслаждаясь каждым кусочком. И Егорушкин ел не спеша, потому что знал: когда окончится завтрак, надо будет встать и идти.

7.

Но поскольку Лена и Егорушкин не спешат, оставим их на время и вернёмся к месту, где они вышли из моря, потому что к этому месту подходит наряд пограничников.

Впереди — старший наряда ефрейтор Чурсин. Мы с ним ещё не знакомы. Служит он на заставе второй год, а на вид ему не больше шестнадцати. Уж очень он маленького роста. И тяжёлые кирзовые сапоги на нём кажутся чужими. Наверно, так выглядел Мальчик-с-пальчик в сапогах-скороходах. Только тот двигался быстро, а Чурсин еле передвигает ноги. Но это только так кажется со стороны. Ефрейтор Чурсин — крепкий парень. И не зря у него на гимнастёрке поблёскивают значки «Воин-спортсмен» и «Отличный пограничник».

Шагах в десяти позади старшего идёт солдат Курилов, молодой, неопытный, но достаточно самоуверенный. Впрочем, эти болезни излечимые. Придёт опыт — исчезнет самоуверенность. У Курилова кроме автомата ракетница и на-

бор ракет в брезентовой сумке. Из кармана шаровар торчит телефонная трубка.

Они идут по урезу, под сапогами хрустит песок нахоженной нарядом тропы. Ни шагу влево или вправо, там песок чист и гладок, птица пройдёт — метку оставит. Рядом тихо плещется море. Вот и конец пути, русло ручья. Здесь наряд повернёт и обратно пойдёт лесом.

Чурсин подошёл к плетню и остановился. И Курилов остановился, не сокращая расстояния до старшего.

— Курилов, иди-ка сюда, — позвал Чурсин и, когда Курилов приблизился, спросил: — Ничего не замечаешь?

Курилов огляделся. Ничего особенного нет — ни следов, ни примет, которых не было раньше.

Он спросил:

— А чего замечать-то?

Чурсин присел на корточки возле плетня. Едва слышно журчала узкая струя воды. В одном месте слева темнела заполненная водой ямка. Не след, нет. Но и ямки здесь вроде бы не было. А может быть, была? Он внимательно осмотрел плетень. Не тронут. Но ямка... Если бы можно было сказать о человеке «ощетинился», я бы сказал: Чурсин ощетинился. Словно почуяв что-то неладное, он напряжился, застыл.

Курилов затоптался, удивлённо озираясь: ничего необычного вокруг не было, чего это Чурсина разбирает?

— Стой спокойно. Насле-

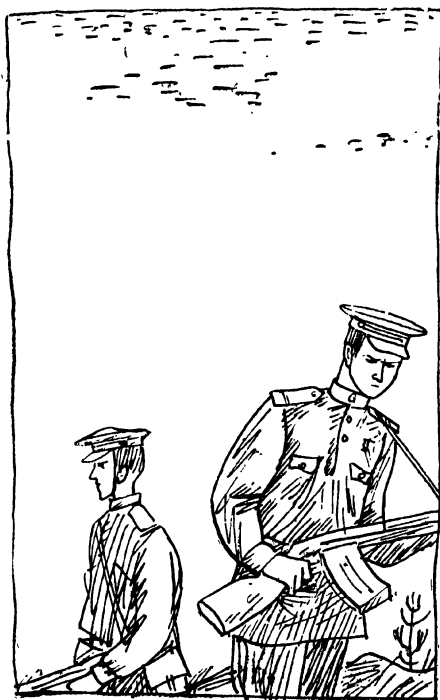
дишь, — негромко сказал Чурсин.

А может, он и в самом деле увидел что-то такое, чего он, Курилов, не видит? Показать себя хочет. Ну-ну, вернёмся на заставу, уж я расскажу ребятам, как Чурсин плетень нюхал!

А Чурсин действительно нюхал плетень. Он подошёл к нему по воде вплотную, осмотрел внимательно, заглянул на ту сторону. И там заметил ямку, наполненную водой. Точно такую же, как и первая, непохожую на след, но и непонятно откуда взявшуюся. Он постоял немного, раздумывая и присматриваясь. Потом так же осторожно, чтобы не наследить, отошёл.

— Надо доложить.

Курилов удивился:

— Про что докладывать-то?

— Про что, про что? Возьми глаза в руки. Видишь, ямка с водой?

— Ну?

— Вот тебе и ну. И на той стороне такая же ямка.

— Ну?

— Откуда они взялись?

Курилов только плечами пожал.

— Может, здесь кто-то через плетень перебрался.

— На крыльях? — съязвил Курилов.

Но Чурсин оборвал его:

— Разговорчики. Младший наряда Курилов, соединитесь с заставой. Доложите дежурному: у ручья обнаружены ямки с водой неизвестного происхождения. Принимаю решение двигаться вверх по ручью.

— Есть доложить про ямки и что принято решение двигаться вверх по ручью, — повторил Курилов и скрылся в соснах.

8.

Уж откуда и как он свяжется с дежурным — не наше с вами дело. У границы свои добрые тайны. А пока ефрейтор Чурсин снова и снова осматривает устье ручья, солдат Курилов докладывает дежурному, а Лена и Егорушкин приканчивают завтрак, — не пропустить бы нам троицу — Яна, Антошу и Дзинтру. Нет, не зря я вас с ними познакомил. Как чувствовал, что мы их ещё встретим в лесу. Правда, они без Грома. Потому что собирают грибы. А собирать грибы и одновременно воспи-

тывать собаку, сами понимаете, невозможно. Тут уж надо выбирать что-нибудь одно: или грибы, или собаку. Но грибы лучше собирать с утра, а собаку можно воспитывать в любое время суток. Поэтому сейчас отдано предпочтение грибам.

Ребята не разбредаются, идут дружной стайкой. Грибов много. Только что взошло солнце, оно заглядывает в плетённые из тонких прутьев ивняка корзины и, наверно, с завистью подсчитывает крепенькие буроголовые боровички. Искать грибы, даже когда их много, не так уж просто: поиск требует внимания и сосредоточенности. Поэтому троице не до разговоров, и всё-таки они перебрасываются короткими фразами. Так как говорят они на родном языке, то нам непонятно, о чём идёт речь. С уверенностью могу сказать, что, видимо, речь идёт о собаке, потому что часто повторяется слово «Гром».

А между тем Лена и Егорушкин покончили с завтраком и собрались было идти дальше. Вдруг Егорушкин насторожился и прислушался. И Лена притихла.

— Ходит кто-то неподалёку, — сказал Егорушкин шёпотом.

Они снова прислушались. Из лесу донеслись ребячьи голоса.

— Ребята, Верно, грибы собирают, — сказала Лена.

— Надо спрятаться.

— Зачем?

— Чтобы они нас не увидели.

— А если увидят? — удивилась Лена.

Егорушкин усмехнулся:

— А если увидят, считайте, что нас поймали.

— Так уж сразу,

— Я-то знаю пограничных ребятишек! — сказал Егорушкин серьёзно и, взяв Лену за руку, повёл её между соснами, шепнув: — Ступайте осторожнее.

Ребятчьи голоса умолкли. Егорушкин нахмурился сердито и подозрительно осмотрелся. С чего бы это они смолкли? Что их спугнуло?

А ребята притихли потому, что почуяли движение в лесу. Не слышали, а именно почуяли. Потому что, чем бы они ни занимались, что бы ни делали, никогда не забывали, что они ЮДП — юные друзья пограничников. Если бы кто-нибудь и забыл об этом, Ян напомнил бы — начальник штаба!

Они умолкли и притаились, и уже ни один звук не мог ускользнуть от их ушей, ни одна тень не могла спрятаться от их глаз. Без команды они встали редкой цепочкой и двинулись вперёд, не упуская друг друга из виду. Вот Ян поднял руку, и все остальные окаменели, словно в изваяния превратились. Ян сделал знак, все снова двинулись вперёд, но теперь уже пригнувшись, выбирая укрытия — кусты, стволы деревьев, бугорки. Вот что значит выучка и тренировка! Без звука, быстро, как бессло-

весные тени, как сказочные лесные лешие.

Неподалёку хрустнула ветка. И всё стихло. Ян махнул рукой, товарищи его легли на землю и поползли.

Маленькие партизаны, трубаки, дети полка, разведчики, которые стали теперь взрослыми, посмотрите, какая вам выросла смена!

Первым заметил притаившихся Лену и Егорушкина Антоша. Он замер и сделал знак Яну. Тот подполз к нему, и они вместе сквозь молодой ельник стали рассматривать парня и девушку.

Парень и девушка были чужими — местных ребята знали. И вели себя странно: стояли неподвижно, и по лицам их было видно, как чутко прислушиваются они. К чему? Чего может бояться человек в этом пронизанном солнцем лесу, ес-

ли он не пришёл сюда со злом?

Ян наклонился к уху Антоши:

— Беги сообщи на заставу. А Дзинтра пусть приведёт Грома. Я останусь следить.

Тут Антоше ужасно захотелось чихнуть: то ли пылинка в нос попала, то ли ещё что. Ведь известно, что чихать хочется именно тогда, когда ни в коем случае нельзя чихнуть. И чесаться хочется, когда нельзя чесаться. Антоша зажал рот и нос руками, надулся пузырем, покраснел, из глаз полились слёзы. Ян посмотрел на него без сожаления, с угрозой. Антоша только кивнул понимающе и пополз обратно, отчаянно зажимая рот и нос. И только когда отполз на безопасное расстояние и встал на ноги, собрался наконец чихнуть. Но расхотелось. Всегда так — когда можно, не

чихается. Вздохнув, он бросился бежать на ближайший хутор звонить по телефону. Дзинтра помчалась в деревню за Громом. А Ян остался в кустах. Двое неизвестных некоторое время стояли неподвижно. Потом парень взял девушку за руку, и они исчезли в ельнике.

Сердце Яна то билось часто, то замирало, потому что он был рядом с опасностью. Неизвестные, безусловно, под подозрительными плащами прятали ножи и пистолеты. А может быть, автоматы. Яну даже показалось, когда неизвестные переходили поляну, что под плащом у парня топорщится приклад. И лицо какое-то у него — типичный шпион и диверсант! Нахальное, глаза бегают. А девушка ступает, словно кошка. Хитрая. В руки таким попадешь — живому не быть!

И знаете, я понимаю Яна, — как часто мы видим не то, что есть на самом деле, а то, что нам хочется увидеть. И я бы на его месте тоже удвоил бдительность, превратился бы в ужа и ждал бы с таким же нетерпением верного Грома и пограничников. Ведь если вдуматься — это удача, невероятная удача, что именно он и его товарищи обнаружили шпионов! И пусть опасность рядом, пусть даже иногда от страха холодеет сердце, он не упустит опасных пришельцев из виду. Он тенью пойдёт за ними хоть на край света, хоть до самого города! Пусть даже погибнет в рукопашной схватке, но эти чужие, что крадутся

по лесу, будут пойманы. Им не уйти, — здесь граница. Так думал Ян, начальник штаба ЮДП.

Пока Ян преследует Лену и Егорушкина, отойдёмте в сторонку. Мы с вами не следопыты и не сможем так бесшумно двигаться по лесу, как он, наступим ещё ненароком на какую-нибудь паршивую ветку и испортим ему всё дело. Ведь у Егорушкина тоже опыт и чуткий слух.

9.

Заглянем-ка на заставу.

Там уже скомандовали «в ружьё». Кто не слышал этой команды на заставе, многое потерял. За высоким забором стоят несколько домов, разбит садик, пестреют цветочные клумбы, над которыми лениво жужжат пчелы. Дорожки аккуратно подметены и присыпаны песком. В хлеву коровы пережёвывают жвачку. Лошадь мирно трётся боком о столбик коновязи. Возле стоит телега, устало опустив оглобли. Из открытого окна кухни тянет чуть пригорелой кашей. Повар что-то напевает тихонько. Спят солдаты, вернувшиеся с ночного наряда, спит начальник в своей маленькой квартирке. Только дежурный сидит за обшарпанным письменным столом и что-то пишет. Да часовой на вышке у ворот старается подставить спину солнцу.

И вдруг — «в ружьё». И в ту же секунду всё приходит в движение. Ещё не проснувшиеся солдаты уже натягивают

шаровары, накручивают портянки, суют ноги в сапоги. И вот уже полы гремят. Начальник заставы выскакивает в садик, застёгивая на ходу ремень с пистолетом. Песня повара обрывается. Лошадь настороженно прядёт ушами. И даже коровы перестают жевать свою жвачку.

Прошла минута — и в длинном коридоре стоит суровый

граница. И вы просто не сможете стать исключением.

Вот уже принято решение. Поисковой группе и группам перехвата поставлены задачи. Начальник заставы, трое пограничников, радист и служебная собака садятся в «газик». Машина срывается с места, по просёлку вылетает на урез, круто сворачивает и мчится вдоль моря прямо по песку.

строй, черны стволы автоматов. Радисты проверяют связь. На хозяйственном дворе деловито урчит мотор «газика», часовая открывает ворота.

Застава готова выполнить любой приказ. И пусть слова эти примелькались, стали затёртыми — нет слов, более точно передающих состояние людей после команды «в ружьё». И если вы — штатский гость на заставе, вы тоже застегнётесь на все пуговицы и будете стоять по стойке «смирно». И если вам прикажут пойти в огонь и в воду — вы пойдёте, потому что всё здесь пронизано постоянной готовностью к бою. Здесь —

Люди молчат. Только собака громко дышит, высунув набок длинный язык. Ей в машине жарко, но она ко всему привыкла и, изредка вздрагивая бровью, посматривает чуть прищуренным понимающим жёлтым глазом на своего проводника: «Будем работать?» И проводник тихонько похлопывает её по спине. «Наверно, будем».

Ручей. Начальник заставы быстро подходит к поджидающим его Чурсину и Курилову.

— Товарищ майор, докладывает старший наряда ефрейтор Чурсин. Обнаружены подозрительные ямки в песке возле самого русла. Ямки за-

полнены водой. Вверх по ручью явных следов человека нет. Плетень не тронут. Но разрушитель мог пройти вверх по воде.

— Почему вы предполагаете, Чурсин, что здесь побывал нарушитель?

— Ямки, товарищ майор. Одна по эту сторону плетня, другая — по ту. Словно бы прыгал кто-то.

Начальник заставы осмотрел ямки. Сдвинул фуражку на затылок:

— Проверить надо. Левченко, проведите Майду вдоль ручья.

Услышав своё имя, овчарка подняла голову и посмотрела сперва на майора, потом на своего хозяина. Проводник подвёл её к плетню:

— След, Майда, след.

Собака беспокойно завертелась на месте, обнюхала ямку, прыжком перемахнула через плетень, обнюхала вторую ямку и снова завертелась, беспокойно глядя на Левченко.

— Интересно, — сказал начальник заставы. — Пойдём вверх.

Левченко, осторожно ступая по воде и немного отпустив поводок, повёл Майду рядом с собой по берегу ручья. За Левченко пошли остальные. На том месте, где Лена и Егорушкин перепрыгнули через полосу песка, Майда забеспокоилась, заметалась, обнюхивая укрытую пожухлыми сосновыми иглами землю, и натянула поводок.

— Есть след, — почему-то

сдавленным голосом сказал Левченко.

— Передайте на заставу: собака взяла след. Углубляемся в лес. Доложить обстановку оперативному дежурному в отряд. Связь держать постоянно.

— Есть! — Радист, двигаясь вместе с поисковой группой и стараясь не спотыкаться о корни, на ходу связался с заставой.

10.

А Ян всё преследовал «диверсантов», но как бы тихо он ни двигался, Егорушкин всё-таки его засек. В общем-то Егорушкина не удивило это преследование. В конце концов, не могли же их не обнаружить! На то она и граница. Но мальчишка показался ему назойливым, потому что нарушал то, что незримо было рядом с ним и с Леной. При мальчишке он даже поговорить с девушкой не мог. И это было обидно. Егорушкин решил отделаться от доморощенного сыщика, припугнуть его.

— Лена, идите вперёд одна. Я вас догоню.

Лена посмотрела на него вопросительно и удивлённо, но послушно кивнула и пошла дальше не таясь. А Егорушкин спрятался за сосну. Увлечённый погоней, Ян не заметил западни и попался.

Как только он прошёл крадучись мимо Егорушкина, тот схватил мальчишку за ворот рубашки и спросил:

— Ты чёго за нами ходишь? А?

Интересно, что бы вы почув-

ствовали на месте Яна? Испугались бы тоже небось. Ведь мальчишка не знал, что за шиворот его держит сержант Егорушкин. Он же ещё не читал этой повести. Он побелел, вернее, пожелтел, потому что кровь от лица отлила, а загарто остался. Шуточное ли дело, попасть в лапы шпиона?! На какое-то мгновение в глазах у мальчика потемнело и ноги стали ватными. Но мгновение не может длиться долго, это общеизвестно. Поэтому, как только оно прошло, Ян рванулся, оставив ворот рубашки в пальцах Егорушкина, потом ударил своего противника головой в живот и бросился бежать. Он бежал сквозь колючий ельник, царапая руки и ноги, внезапно падал, вновь вскакивал, бросался из стороны в сторону. И не от страха. Он петлял, потому что ждал выстрела. Но шпион не стрелял. Видно, боялся себя обнаружить. Наконец Ян остановился, перевёл дыхание, сердце яростно билось у самого горла.

Что же получилось? Шпион его перехитрил. Он, Ян, еле вырвался из его грязных лап! (Разве доводилось кому-нибудь видеть у шпиона чистые лапы?) И он, Ян, упустил шпионов! И только сейчас понял, что не сумел погибнуть как герой и ценою собственной жизни задержать врага. Это было ужасно. И любой другой мальчик на месте Яна расплакался бы. Но Ян был начальником штаба ЮДП. Такие не плачут. Он только

высморкался и повернул обратно к тому месту, где поймал его шпион. Второй раз он не попадётся в ловушку! Не-ет!

А Лена и Егорушкин шли по краю лесной дороги. И Егорушкину очень хотелось взять её за руку. Просто взять её тёплую ладошку в свою и так шагать невесть куда.

11.

А Майда в это время тянула поводок, и поисковая группа еле поспевала за ней. Радист всё что-то бормотал в короткую чёрную эбонитовую трубку, торчавшую у самого рта. Антенна болталась за его спиной, как огромный тараканий ус.

— Товарищ майор, — вдруг сказал он начальнику заставы, — с ближнего хутора сообщили, что видели двоих неизвестных в лесу, мужчину и женщину.

— Ясно.

Уж мы-то с вами догадываемся, кто сообщил о неизвестных на заставу. Конечно, Антоша!

А Дзинтра уже бежала лесом следом за Громом. Гром не давал ей ни на минуту остановиться и передохнуть. Она велела ему искать Яна, и весь лес казался Грому просто пропахнувшим Яном. Даже не надо было опускать нос к земле. И наверное, Гром удивлялся, почему Дзинтра сама не может найти Яна. Ведь это же так просто. Вообще, наверно, мы очень удивляем собак нашей человеческой неполноцен-

ностью, неумением делать такие, казалось бы, примитивные вещи. Возможно, что они нас даже жалеют своей скупой собачьей жалостью.

Позвольте, что это рокошет на шоссе? Ах да, чуть не забыл главного. В голубой «Волге», что мчится как ветер, рядом с шофёром сидит начальник отряда, а на заднем сиденье — капитан Мишин. Они ещё не знают, что застава поднята «в ружьё», что поисковая группа идёт по следу, и уж давно не знают ни про Дзинтру, у которой скоро не хватит дыхания, потому что Гром всё тянет и тянет её сквозь лес, ни про Яна, который всё-таки разыскал пропавших шпионов и снова преследует их, ни про Антошу, который как раз в это время выскакивает на шоссе.

Антоша увидел «Волгу», замахал руками, закричал:

— Стойте! Стойте!

Шофёр затормозил. Потому что здесь — граница и мало ли чем может быть взволнован этот пляшущий на месте цыганёнок.

Антоша подбежал к остановившейся «Волге», заговорил торопливо, глотая слова и заменяя проглоченное яростными взмахами рук:

— Това... чальники... Там... это... версанты... Два... Ян... сле... дет...

— Говори спокойней, а то мы тебя не поймём, — сказал начальник отряда.

— Диверса... там... два... двое... Шпио... Шпионы.

— Шпионы, говоришь? Где?

— Там... В ле... Ян... идёт по сле... по следу.

— Двое, говоришь? — переспросил полковник и переглянулся с Мишиным. — А какие они?

— Страшные... В плащах... Прячутся... Это я их... увидел. Мужчина и женщина. Потом побежал звонить.

— Позвонил?

— А как же... На заставе знают.

— Ну, молодец, — неопределённо проговорил полковник, повернулся к Мишину: — Пройдём в лес. На заставе уже знают, — и снова обратился к Антоше: — Тебя как зовут?

— Антоша.

— Можешь, Антоша, показать нам, где ты видел этих са-
мых шпионов?

— Могу.

Офицеры вышли из машины и пошли вслед за Антошей. И уже в лесу услышали зали-
вистый лай собаки.

— Это наш Гром лает! — восторженно сказал Антоша и прибавил шаг.

Лаял действительно Гром, потому что он наконец дота-
щил Дзинтру до Яна. Обесси-
ленная Дзинтра упала на зем-
лю, тяжело дыша и утирая
пот с лица рукавом клетчатой
рубашки. А Гром радостно
бросился к Яну, изливая свою
собачью радость, залаял. Ни
один благовоспитанный пёс не
стал бы так бурно изливать
свою радость и уж по крайней
мере огляделся бы вокруг, нет
ли посторонних! В десятке ша-
гов замерли Лена и Егоруш-
кин. Услышав лай, Лена по-
бледнела и испуганно прижа-
лась к Егорушкину; ища защи-
ты. И Егорушкин, вместо того
чтобы сердиться на собаку,
мысленно почему-то поблаго-
дарил её, хотя это было и не-
логично.

Поняв, что Гром выдал его
с головой, и ожидая неминуе-
мого нападения, Ян выпрямил-
ся и крикнул Грому:

— Чужие, Гром! Фас! Фас!

Гром ошетинился, зарычал
и, словно брошенный из пра-
щи камень, полетел прямо на
незнакомых людей, стоявших
у края лесной дороги. Кое-че-
му его научили!

Лена вскрикнула. Егоруш-
кин оттолкнул её и бросился

навстречу собаке, чтобы за-
щитить девушку, но споткнул-
ся о корень и, падая, почувст-
вовал у самого лица жаркое
дыхание пса. Поднял руки, за-
щищая горло. Но Гром ещё не
всему научился, поэтому по-
рвал Егорушкину штанину,
прокусил ногу и стал прыгать
вокруг него, хватая за полы
пиджака.

В то же мгновение в ответ
на яростное рычание Грома
раздался короткий собачий
лай, и из лесу, натягивая по-
водок, выбежала Майда, а за
ней поисковая группа погра-
ничников.

— Руки вверх, — коман-
довал майор.

Лена, помня наставления
Егорушкина, подняла руки. Ян
оттащил Грома от лежавшего
на земле Егорушкина, тот
встал и тоже поднял руки.

— Обыскивайте его ско-
рее! — крикнул Ян погранич-
никам. — Он весь вооружён-
ный.

Но солдаты и без того знали
свое дело. Они ощупали плащ
Егорушкина и никакого ору-
жия не нашли, кроме, впрочем,
того самого ножика, которым
он резал хлеб.

Лена, чтобы её не обыскива-
ли, торопливо скинула плащ, и
все поняли, что ей просто не-
где спрятать оружие.

— Прошу предъявить доку-
менты.

— У нас нет документов, —
сказал Егорушкин.

— Это верно, — произнёс
чей-то голос в лесу, — у них
нет никаких документов.

И из-за сосен, как вы и са-

ми догадываетесь, появились начальник отряда полковник Скачок, капитан Мишин и Антоша.

И не подумайте, пожалуйста, что я нарочно свёл всех вместе прямо здесь, на лесной дороге. Логика событий привела их сюда, а я тут абсолютно ни при чём.

— Товарищ полковник, докладывает майор Акентьев. Задержаны двое неизвестных.

— Ясно, товарищ майор. — Начальник отряда повернулся к Егорушкину: — Вы что, ранены?

— Собака покусала. Вот этот вот чёрт!

— Перевяжите.

— Есть, — сказал один из солдат и достал из кармана индивидуальный пакет.

Лена подошла к Егорушкину, взяла у солдата пакет:

— Я перевяжу.

Егорушкин сел на землю, она склонилась над ним и стала аккуратно бинтовать прокушенную ногу. Егорушкин уви-

дел прямо перед глазами её тёмные блестящие волосы, даже уловил их запах — они пахли морем и солнцем. И вот ведь как престранно устроен человек: морщась от нестерпимой боли, он пожалел, что Гром не прокусил ему и вторую ногу!

— Ну что ж, спасибо за службу, товарищи пограничники!

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили пограничники, хотя ещё ничего не поняли и автоматы держали наизготовку.

— Учения окончены, разбор сделаем позже, — сказал полковник, чтобы внести ясность. — Можете, товарищи, следовать на заставу.

— Есть, — ответил майор Акентьев, — следовать на заставу. — Он отёр ладонью мокрую шею. Обернулся к радисту: — Тревожной группе возвратиться на заставу. Да-а, задали вы нам гонку, товарищ полковник.

Начальник отряда улыбнулся:

— Пожалуй, и я с вами пройду до заставы. Пёхом. Утро-то какое! А «нарушителей» капитан Мишин отвезёт на машине в город. Да и ребят пусть прихватит.

— Значит, они не настоящие? — спросил Ян с обидой.

— А тебе настоящих подавай! — засмеялся полковник. — Разве настоящий так далеко уйдёт? Целый штаб обеспечивал их высадку, и то уйти не смогли.

— От нас не уйдут! — сказал Ян серьёзно.

Полковник и поисковая группа скрылись за деревьями.

— Пошли, ребята, — пригласил Мишин.

— Нет, мы останемся, — сказал Ян. — Будем операцию разбирать.

Конечно же, очень хотелось прокатиться на «Волге», но дело — прежде всего. Бывшие «нарушители» и капитан Мишин распрощались с ребятами и пошли к шоссе. Гром дружелюбно тявкнул им вслед.

— Это всё, что осталось от моих штанов? — спросил Ми-

шин, косясь на разорванные в клочья брюки.

— Всё, товарищ капитан.

— Негусто, — вздохнул Мишин. — И ты, наверно, страху натерпелась?

— И ничуть. С Егорушкиным ничего не страшно!

— Да? Жалко мне Егорушкина. Придётся опять отпуск отложить. Три десятка уколов.

— Вот это здорово! — обрадовался Егорушкин, посмотрел на Лену и покраснел.

Думаю, что и вы согласитесь с капитаном Мишиным, который подумал: «Станный человек, плакать надо, а он радуется». А Лена почему-то тоже покраснела.

Впрочем, мы с вами этого уже не увидели, потому что операция «Осечка» закончилась, и нам с вами больше нечего делать в этом лесу.

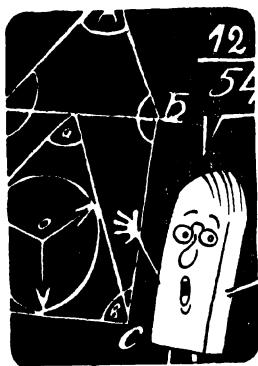
До свидания, сосны! До свидания, солнце, и ты, море! До свидания, юные друзья пограничников! До свидания, солдаты и сержанты, матросы и старшины! До свидания, товарищи офицеры! Желаем вам всем стать генералами. До свидания, край земли моей, Граница!

П Е Р Е М Е Н А

Если бы дети могли понимать
все языки,
голос мела, к примеру,
им бы пропел песнь скорбную эту:
— Здесь я торчу для того, не иначе,
чтобы построить столбцы и задачи,
решать уравнения,
писать изречения,
а не затем, чтобы сгинуть совсем.

Если бы дети могли понимать
все языки,
им бы губка сказала:
— Девочки, мальчики,
не для забавы
я рождена, не затем, чтоб ракетой

мчаться по классу со скоростью света,
губкой зовусь я. Я чищу и мою —
что ж раздирают меня эти двое? —

Если бы дети могли понимать
все языки,
голос парты сказал бы:
— Слышу я вечно безумные залпы —
это обстрел из резинок и ручек,
дождь из ножей,
а бывает и лучше:
нас в баррикадный заслон
превращают
и угощают
чернильными щами.
Мы с тихим лесом расстались для вас,
чтобы служить вам,
пришли в этот класс.

Но молчали все они...
Колокольчик зазвонил.
Препотлично дети знали
металлический язык,
голос звонкий в класс прони-
к через двери,
через стены:
— Перемена! Перемена!

Перевела с болгарского
Т. МАМОНОВА
Рис. Г. Ясинского

Рисунки Ю. Шабанова

П О В Е С Т Ъ

Глава пятая

РАДУЙСЯ, ВЕТЕР НАШ!

Две шлюпки медленно выходят на чистую воду. На той, где Маленький Петров, гребут пока что двое — Ленц и Каштанов. Гребут осторожно, лавируя между катерами, лодками, баржами, буксирами... Над шлюпкой нависает чёрный борт железной баржи. Маленький подымает голову и видит небритого матроса с папироской в ощеренных зубах. Матрос кивает: привет, мол!

— Далеко ли? — спрашивает.

— В плаванье уходим, — говорит Каштанов. Спокойно

так, просто: «В плаванье уходим».

Теперь только, после этих слов, Маленький осознал наконец, что происходит. Он уходит. Рыбаки на пристани, мальчишки, плавающие у борта теплохода, — все они остаются дома, а он уходит.

Вёсла скрипят в уключинах: уходим, уходим...

Вода журчит за кормой: уходим, уходим...

Уже не остановишься, не вернёшься, не попросишься назад. Всё. Уходим. Ушли.

— Разобрать вёсла! — приказывает капитан.

Впереди, загребным — боцман Ленц. Сзади — Чубчик. Широкая боцманская спина движется легко и упруго. Светлые волосы сбегаят на шею

узкой треугольной косичкой. Маленький следит за этой косичкой, чтобы удержать ритм, не сбиться. А весло становится всё тяжелей, а кулакам одно лишь надо — разжаться. Чуть замешкался, а Чубчик сзади: «Эй, не тяни!» И опять Маленький следит за боцманской спиной, и пот заливает ему глаза, и полосы Ленцовой тельняшки сливаются, а кулаки набухают нестерпимой тяжестью. Ещё немного, и он выпустит весло...

— Первая команда, суши вёсла! Вторая команда, на вёсла!..

Маленький хочет бросить своё весло, но видит, как взмыло над водой весло Ленца и застыло, влажное, искрясь на солнце. И он повторяет всё в точности, как Ленц.

Маленький сидит на корме, расслабив тело, и к нему постепенно возвращается прежний мир, ровное дыхание, чёткие краски воды и неба. Он с опаской трогает упругую белую подушечку под указательным пальцем.

— Что, мозоль? — спрашивает Чубчик.

Маленький молчит.

— Дурак ты. Хочешь, научу? Устанешь — веди весло вот так... — Чубчикова ладонь горизонтально проплыла перед глазами. — Никто не заметит, и не выдохнешься. Отдохнешь — опять гребь. Эх ты, трубач! — Чубчик подмигнул: знаем, мол, что к чему...

Догадался. Знает, откуда труба. Не забыл, как в пионер-

скую ходили. И зачем Маленький его с собой позвал тогда!..

Но Чубчикова совета он всё же послушался. На следующий заход опускал весло в воду и вынимал его без всякого сопротивления. Теперь он почти сразу выбился из ритма. Капитан крикнул ему:

— Маленький Петров, ровнее, ровнее!

Боцман Ленц искоса поглядел:

— Не сачкуй...

Чубчик сказал в спину, тихо, ехидно:

— Ай-я-яй...

Маленький изо всех сил налёг на весло. Белая подушечка под указательным пальцем лопнула. Но боли он не замечал. Спиной чувствовал усмешку Чубчика.

А потом солнце пошло на убыль, и что-то такое потянуло с севера, не ветер ещё, а только его подобие, тень. Но потное, горячее лицо ощутило на себе эту тень, и все закричали:

— Ветер! Ветер!

Капитан приказал поставить паруса, и началось странное движение по сумеречной гладкой воде, когда непонятно, отчего шлюпка идёт. Ветра-то нет, разве это ветер — чуть трогает лицо и даже не сушит его...

Маленький лежит между банками, руки за голову, насыпает сахар, выданный боцманом, и слушает глухое тиканье в ладонях.

— Радуйся, Маленький Петров, ветер наш, — говорит капитан. — Ещё выбрать шкоты!

Радуетса капитан — пока-

зывает крепкие свои желтоватые зубы.

Радуется Каштанов — встряхивает чубом, насвистывает, сидя на носу.

Радуется боцман Ленц — держит на руле крепкую руку.

Радуется Чубчик — роется в своём рюкзаке, достаёт пирожок домашнего печения, никого не угощает, громко жуёт.

Радуется круглощёкая девчонка Айна, что сидит на носу второй шлюпки. Командует той шлюпкой Стёпа и тоже, конечно, радуется, потому что не каждому и не каждый день доверяют командовать шлюпкой.

Вот девчонка Айна песню запела, а слов не понять, потому что по-эстонски она поёт. И зачем капитан взял девчонку в поход — непонятно.

Все радуются кругом. Один только Маленький Петров не

радуется. Чубчик догадался, откуда труба. Начнёт теперь языком трепать. А ещё — скоро мать вернётся с фабрики и найдёт на столе его записку. А что дальше будет?..

Глава шестая

ВИЖУ ВХОДНОЙ БУИ

— Маленький Петров! — закричал капитан. — Ну-ка, возьми флажки, передай Степану — держаться берега!.. Хотя нет. Ленц, давайте вы!

Капитан посмотрел на Маленького мельком, не останавливаясь, и было в этом взгляде недоверие, что ли, или досада... «А ну его, загремит за борт, хлопот не оберёшься...»

Ленц встал спиной к парусу, снял фуражку, помахал. На Стёпиной шлюпке приняли вызов.

— Скорей, Ленц, скорей!

У Ленца на шлюпке полный порядок. Паруса бабочкой поставлены, фок вынесен в сторону веслом, чтобы взять больше ветра. Высоко задрал широкий нос, шлюпка мчит, рассекая волны. Капитан на руле. Каштанов — вперёдсмотрящим.

— Ну, что, Каштанов? — спрашивает капитан.

— Не вижу, товарищ капитан... Развернуло их опять!

Прошло немного времени.

— Вижу! Взяли круто в озеро!..

— А, разгильдяй! Что делает!..

То, что происходило там, на второй шлюпке, и в самом деле было непонятно. При таком ветре и волнении строго-на-строго приказано идти вдоль берега, а Стёпа взял ещё мористей.

Капитан схватил ракетницу, выстрелил. Раз, другой, третий. Сигнал: рубить рею, надеть спасательные пояса, идти к берегу.

Все смотрели туда, где на фоне низких туч, наперерез им, узким клином двигался парус. Он становился всё меньше, а потом и вовсе исчез. Внезапно.

— Слава богу, срубили рею, — проворчал капитан и вздохнул облегчённо. — Каштанов, берите бинокль, ищите входной буй. Тут должен быть остров Рыбачий.

Капитан достал из кармана карту, хотел развернуть, но ветер рвал карту из рук.

— Ну-ка, Маленький, помо-

ги. Так, здесь Рыбачий. А мы тут примерно...

«Почему мы уходим? — не понимал Маленький. — Почему не идём на помощь к Стёпе?..»

Капитан, прищурясь, глядел вперёд и фуражку, чтоб не сдуло, на самые уши нахлобучил, воротник поднял, один нос торчит.

— Товарищ капитан! — крикнул Маленький.

Капитан повернулся к нему. Лицо красное, мокрое.

— Товарищ капитан! Как же Стёпа?..

Все смотрели на капитана. А капитан смотрел на Маленького с досадой, как будто задал он совсем бездельный вопрос, а вот ведь и Каштанов беспокоился.

— Товарищ капитан, может, пойдём к ним?..

— К рыбакам идём, за подмогой! — крикнул капитан поперёк ветра, а Каштанову особа: — Внимательней, Каштанов!

Направо — низкий берег, налево — всё те же бешеные тучи, а за бортом... Маленький Петров боялся смотреть в бурлящую за бортом чёрную воду. Его мутило. «Скорей бы, скорей...» Он глядел на капитана с надеждой и злостью, с тревогой и верой. «Скорей бы, скорей...»

— Вижу, кажется!.. — Это Каштанов.

— «Кажется» не надо, — откликнулся капитан, — глядите лучше.

— Вижу пирамиду и шар наверху!

— И я вижу!

— И я!..

А Маленький с капитаном ничего не видели, потому что сидели на корме и глаза их упирались в напряжённую поверхность паруса.

— Готовьтесь к повороту! — сказал капитан. — Сейчас войдём в фарватер. Дальше будет канал, а пристань у них в бухте...

— Все на правый борт! — скомандовал боцман Ленц. Над головой у Маленького просвистел парус, шлюпка накренилась и, сделав широкий полукруг, понеслась в сторону острова, открывшегося глазам так внезапно, как если бы он поднялся из глубин озера. Выходной буй качался далеко за спиной...

Канал был искусственный, в песчаных берегах его чернели сотни круглых отверстий. Заканчивался канал широкой бухтой. У входа в бухту — пристань на сваях, около пристани — шаланда, а дальше, в глубине бухты, — лес мачт.

На шаланде трое рыбаков в чёрных плащах с капюшонами как по команде повернулись в сторону шлюпки. Капитан ухватился за борт шаланды, перекинул ногу. Следом за ним на шаланду прыгнул Каштанов. Маленький Петров подумал, что капитан вернёт Каштанова, но тот только крикнул:

— Бинокль мне! Ленц, швартуйтесь здесь!..

И шаланда, оставив в бухте облако вонючего дыма, затахтела в сторону озера.

— А ты, Маленький, молодец, — тихо сказал боцман Ленц, — я думал, травить будешь. Колька твой, между прочим, того... Качки не выдерживал.

...Медленно вытягивалась в канал чёрная рыбацья шаланда. Маленький стоял на ветру и вглядывался, вглядывался... Неужели не нашли... Неужели... И когда за широкой кормой шаланды мелькнула тонкая шлюпочная мачта, Маленький и все остальные, кто стоял на берегу, крикнули «ура», да так громко, что сотни ласточек повывлетали из своих круглых нор и давай стричь воздух над самой водой.

На борту шаланды стоял капитан. Лицо у него было серое, глаза ввалились. Рядом Каштанов.

Стёпина шлюпка тянулась за шаландой на буксире. На шлюпке все вычерпывали воду, кто чем. Айна — черпаком, Кошельков — кедами... Один Стёпа сидел на корме без дела. Сидел, угрюмо уставившись себе под ноги.

Увидев на берегу своих, Кошельков закричал, потрясая тяжёлой охапкой глянцевиных тёмно-зелёных-водорослей:

— У морского царя были в гостях! Во борода!..

Он хотел что-то ещё крикнуть, но поглядел на Стёпу и осекся.

Глава седьмая

ПЕРВАЯ ОШИБКА...

ВТОРАЯ ОШИБКА...

ТРЕТЬЯ...

В коридоре островной школы сумрачно. Пахнет сухим деревом и старой масляной краской. Между окнами — прошлогодние стенгазеты. Маленький стоит во второй шеренге, у стены. Он поворачивается и читает в стенгазете: «Что кому снится... Захару Водолееву снится, что он яблоки ворует в поповском саду...»

Капитан ходит вдоль строя. Взад-вперёд. Взад-вперёд.

— Рею срубили, — говорит капитан, — это правильно. А мачта? — Капитан останавливается и в упор смотрит на Стёпу: — А мачта?

Стёпа повторяет жалким голосом:

— А мачта...

— Вы что, Ерёмин, забыли? Мачта тоже парусность даёт! Вот ваша первая ошибка.

Капитан, ссутулясь, опять ходит вдоль строя. Все молча ждут. Он снова останавливается около Стёпы:

— А нос? Нос в волну зарывался?

— Зарывался...

— А почему?

— Перегружен был...

— Вот и вторая ошибка! Большой пробел в вашем образовании, Ерёмин! Боцман всё должен видеть, а кто видеть не умеет, пускай рядовым ходит. Верно я говорю?

И вдруг Айна:

— Можно мне?

— Почему нельзя — можно...

Маленький просовывает голову между Ленцем и Кошельковым. Вот она выходит, два шага вперёд, как положено. И стоит в своём тренировочном, цифра семь на груди, и косицы торчат из-под мичманки.

— Я хочу сказать, товарищ капитан, что Стёпа, что он... Он нас духовно подбадривал...

Кто-то прыснул, а она стоит, брови сдвинула и строго так глядит на капитана. Капитан как загремит:

— У нас что — морской клуб или духовная семинария?!.. А? Я спрашиваю! Я всех спрашиваю!..

Наступает тягостная тишина. Маленький чувствует, Айна что-то не так сказала, хотя и чистую правду. Все молчат. И капитан молчит. Смотрит

из-под густых своих бровей и молчит.

...А за стенами ветер, такой же густой, как днём, и если затихает временами, то лишь затем, чтобы набраться сил в открытом озере и вновь обрушиться на остров, на посёлок, на старую школу, где мох торчит меж брёвен, как вата из прожжённого ватника. И тут Каштанов — с улыбочкой, как бы шутя:

— Товарищ капитан, а Стёпа не виноват.

— То есть как?

— Это я его подначил. Я ему говорю: слабó сегодня в озеро выйти и лавировку сделать... Он говорит: «Спорим?» Ну и поспорили...

Каштанов разводит руками и подкидывает капитану одну из своих улыбочек. Но сегодня капитана на это не возьмёшь.

— Отставить, Каштанов!

— Товарищ капитан, вы что — не верите? Спросите у Ленца!

— Ленц! Вы тоже спорили?

— Нет. Я разнимал, — спокойно говорит Ленц.

И надо же, чтоб именно в эту минуту, ни раньше, ни позже, дверь в школу приоткрылась, показалась круглая белая голова и распевный голос произнёс:

— Коло-одкин здесья?

— Я Колодкин, — отозвался капитан.

— Распишитесь. Телеграмма.

Капитан разворачивает телеграмму, читает, ещё раз читает, на скулах его появляются

желваки. Капитан подымает глаза. Он явно кого-то ищет. Ага, нашёл. Ну, держись, Маленький Петров!..

— Маленький Петров, выйти из строя!

Маленький сжался весь. Он сразу почувал неладное, когда этот «здесья» про телеграмму сказал. А дальше чувство тревоги всё росло в нём и превратилось в страх, когда капитан упёрся в него взглядом. Маленький спрятал глаза. Ему казалось, что и сам он, таким образом, в безопасности.

— Посмотри сюда, Маленький Петров! Ну!

Маленький стал подымать голову. Точно камнями набита его угластая голова с ёжиком сивых волос. Наконец голова поднялась, а глаза бегают, не знают, на чём остановиться, за что зацепиться. Вот зацепились за пуговицу на капитанском бушлате. Блестит, проклятая...

— Ну, — повторил капитан.

Глаза подымаются, как по крутой лестнице, от пуговицы к пуговице, к жёсткому подбородку, покрытому рыжеватой щетиной, к твёрдым, обветренным, как бы побуревшим губам и щекам, короткому мясистому носу, что маловат для этого лица, и, наконец, к серым глазам-буравчикам, которые так и вонзились в Маленького, так и засверлили...

— Вот ты какой человек, Маленький Петров...

— А что Маленький сделал, товарищ капитан? Чего в телеграмме? Прочитайте, а! — закричал Чубчик.

— Вот ты какой человек, — повторил капитан, не обращая внимания на Чубчика.

Капитан говорил непривычно тихо, и от этой перемены в его голосе Маленькому стало отчаянно тоскливо. Лучше бы накричал.

— А я-то, дурак, поверил. Из-за брата тебе поверил. А ты вон какой...

Маленький чувствовал, что капитан на самом деле удивлён, растерян, что он не притворяется, как другие взрослые, когда читают свою мораль, а на самом деле расстроен и хочет понять, как это его обвели вокруг пальца.

— При первой же возможности спешу на берег. Отправлю домой. А пока... Ленц! Три наряда вне очереди Маленькому Петрову!

— Товарищ капитан! — это Каштанов.

— Нет-нет, Каштанов, не просите. Один, понимаешь, при свежем ветерке растерялся, чуть шлюпку не перевернул. Другой подначивал. Третий разнимал. А четвёртый из дому удрал... Не просите. Это уж моя ошибка. Я её и исправлю. А вы, Каштанов, больше всех за Маленького хлопотали — проследите, чтобы письмо матери написал. Ясно?

Капитан скребёт небритый подбородок и ещё раз говорит, но уже не сердито, а задумчиво:

— Вот ты какой человек...

Глава восьмая

И ЧАЙКИ СМЕЮТСЯ НАДО МНОЙ

Сидит Маленький Петров на пристани и грызёт карандаш. Рядом мальчишка из местных лёг животом на помост, опустил в щель между досками жилку и дёргает — авось клюнет... Давно уже так лежит. Видно, легко у него на душе, если так вот, часами, может лежать и глядеть на воду, даже пяткой не шевельнёт. Дорого бы дал Маленький Петров, чтобы вот так же лежать и ни о чём не думать.

Подошёл капитан, постоял рядом. Маленькому показалось, он что-то спросить хочет. Однако тот молча ушёл.

Писем Маленький Петров в жизни ещё не писал, просто потому что дело до этого не доходило. А если никогда их не писал, то и не знаешь, как начать. Да и вообще, тоска смертная — бумагу марать. Вот кто любит письма писать, так это его соседка по парте — Вика Дымицкая. Её бы сюда. Она живо... Как-то раз она оставила письмо на парте, а он и прочёл. «Дорогой незнакомый друг!..» Так оно начиналось. Всё непонятно. Если дорогой — почему незнакомый? Если незнакомый — почему дорогой?..

«Море! Больше всего на свете я люблю море! — писала Вика. — Вся моя жизнь вмещается в это слово! Море! Его нельзя описать словами! — восклицательные знаки Вика прямо-таки рисовала. — При-

бой обнимает мои ноги! Он летит на меня тысячами бриллиантовых брызг! Мне кажется, что чайки смеются надо мной!..» «Здорово завернула про чаек», — подумал тогда Маленький.

Маленький хорошо запомнил это письмо, даже бумагу запомнил — гладкую, блестящую — и почерк — с наклоном в запретную сторону. Всё запомнил. Странное это было письмо, вроде как из книжки списано, неизвестно к кому, непонятно о чём... «Море! Как прекрасно оно! Чайки смеются надо мной!» — прогнусавил он тихо, когда начался следующий урок. Ох и взвилась эта Вика!

Да, она бы сейчас в два счёта сочинила это проклятое письмо.

— Ну что, написал?!

Это Каштанов. Третий раз

прибегает на пристань. В посёлок сбегал, конфет купил, искупался. Стоит перед Маленьким — загорелый, поджарый. Рёбра после бега так и ходят ходуном. Наклонился, а с мокрого чуба — кап-кап-кап — на чистый лист.

— Вот это да! Письма написать не может! Пиши, диктовать буду. Дорогая мамаша... Ладно, мама — всё одно. Восклицательный знак. С новой строки. Отступи маленько. С большой буквы. Пишет твой сын... Прости меня, запятая, что я уехал не спросившись. Точка. Море властно зовёт меня... Что смотришь? Пиши: море властно зовёт меня...

— И чайки смеются надо мной, — сказал Маленький. — А что, Каштанов, оставит меня капитан или отправит?

— Оставит! — небрежно

бросил Каштанов. — Ну, пиши скорей! Сколько мне тут с тобой возиться! Море... властно... зовёт...

— Иди ты, — сказал Маленький Петров, — сам напишу.

— Давно бы так! — обрадовался Каштанов. — Бегу купаться! Водичка — во!..

«...что я уехал не спросившись. Я думал, ты меня ни за что непустишь. Больше я так не буду. Только бате не говори, когда он приедет с лесных пожаров. Живу помаленьку. Заработал три наряда. До свиданья. Кольке привет. Я научился грести».

Маленький ещё подумал-подумал, погрыз карандаш и, тяжело вздохнув, приписал: «Целую тебя».

И всё. И ни слова про главное. Про капитаново решение, про отправку домой. А вдруг и в самом деле оставит?..

Глава девятая

ХОББИ КРИВОГО ТОМПА. РАССКАЗ КАШТАНОВА

— А слышали, как наш капитан в Рыбецке служил? — спросил Каштанов, подбрасывая в костёр смолёную доску. Смола оплавилась, закипела, треск пошёл кругом. — А про Кривого Томпа слышали?.. Нет? Ну, так вы ещё салаги.

...Сколько раз в прежние времена, когда шлюпки уходили в плавание, а Маленький Петров оставался на берегу и махал-махал им рукой или когда торопился по звонким пли-

там Ратушной и ждал — сейчас из-за угла покажется красная черепичная крыша Дворца пионеров, потом калитка, потом дверь, и в тихом сумраке клубной комнаты подымется навстречу сутуловатая фигура в потёртом кителе... Сколько раз тогда мечтал он о такой ночи, о таком сильном костре, что вот-вот оторвётся от земли и полетит по небу гудящей многокрылой птицей... И вот — есть ночь, есть костёр, а он здесь уже чужой. Его всё равно что нет. Спешут на берег, и никто о нём не пожалеет...

А Каштанов уже рассказывал:

— Наш капитан раньше в Рыбецке работал, комендантом порта. А там начали суда пропадать. Вначале шлюпки, байдарки, моторки пропадали — мелочь всякая. Потом спасательный катер пропал у ДОСААФа, новенький совсем. Потом глассер. А после — морской буксир. Шум — на весь город! Милиция целый день шурует, а ночью опять пропажа — землечерпалку увели! Утром рабочие приходят, а землечерпалки нет... Вызывают капитана и говорят: «Чего ж вы, это самое, товарищ Колодкин, порт охраняете, а у вас изпод носу корабли тащат. Наводите порядок, а то смотрите...»

Капитан охрану усилил, домой не ходит, у себя в кабинете ночует, каждую ночь сам посты проверяет.

А в это время приходит в Рыбецк трансатлантический лайнер «Виктория» — порт приписки Нью-Йорк. Пришёл,

пришвартовался, как положено.

В двадцать четыре ноль-ноль капитан, как всегда, выходит из кабинета — проверять посты. Идёт по пристани — что такое?.. Часовой спит! Прислонился к фонарному столбу и храпит. «Ах ты разгильдяй!» — говорит капитан и часового — за плечо. А тот спит. Капитан понюхал — спиртным не пахнет. Интересно, думает, в чём же дело... Расталкивал, расталкивал — никакого толку. Пошёл дальше. Идёт и видит — второй часовой тоже спит. И третий! И четвёртый! Все часовые спят непонятным сном! Капитан думает: тут что-то не так... Ступил на причал, идёт на цыпочках, в тени. А впереди — «Виктория». Огней мало. Тихо. Вдруг капитан видит: какой-то человек приближается к трапу. Капитан следом. Человек подходит к вахтенному, кладёт ему руку на плечо... Вахтенный зашатался, зевнул, голову на грудь уронил и захрапел. Тут этот человек оборачивается и капитан видит: да это же Кривой Томп! Кассир из портовой бухгалтерии! Одноглазый Томп!..

Капитан кричит: «Томп!» — и — к трапу. Протягивает руку, хочет схватить Кривого Томпа, а тот как даст капитану!.. Капитан падает, вскакивает, опять бросился на Кривого Томпа, схватил, тащит на причал... А тот приёмчиком — раз! раз!

Капитан очнулся, в голове туман, видит: Кривой Томп стоит на палубе, зловещая

улыбка играет на его бледных губах, бесшумно ползут из воды якорные цепи. Не зажигая огней, «Виктория» отваливает от причала и скрывается в ночной мгле.

Утром капитан проснулся в кабинете, за столом. Голова болит, в ушах звон... А в кулаке зажата чёрная повязка Кривого Томпа! Бархатная такая повязка, с кругляшом для глаза.

Капитан к окну — «Виктории» у причала нет! Выбежал в коридор, распахнул дверь в бухгалтерию, а там — Кривой Томп сидит. Крутит свой арифмометр, а левый глаз — которого нет — лейкопластырем залеплен!.. «Здравствуйте, — говорит, — товарищ Колодкин, доброе утро, хорошая погодка, желаю успеха, будьте здоровы...» Всяко издевается, а капитану — что делать? За руку не схватишь. Повязку предъявить — скажет: не моя...

А в городе уже целый скандал! Международный конфликт! Лайнер пропал — со всей командой! Радио, печать — на весь мир! Ноты правительству. Порт оцепили. Самолёты-разведчики над морем кружат. Водолазы по дну бухты ползают. Начальства понаехало! Вызывают часовых. Часовые ничего не помнят. «Сам не пойму, как заснул...» Вызвали капитана. «Ничего не видел, ничего не знаю». Ну, как, думает, я скажу про этого Томпа — никто же не поверит! Скажут, рехнулся Колодкин.

Начитался детективов и рехнулся...

Совсем капитан расстроился, пошёл в кафе. Он у нас непьющий, а тут думает: выпить, что ли, с горя?.. Сел за столик, а его кто-то за плечо трогает. Обернулся — Кривой Томп! «Можно, — говорит, — я рядом сяду? У вас свободно?..»

Ну, садится. И начинает разговор. «Вы, — говорит, — извините меня, ради бога, я вас, кажется, задел давеча. Я не хотел, так получилось. Но вы, — говорит, — тоже крепкий мужик. Здорово меня держали, даже повязочку сорвали... Пришлось вот залепить временно пластырем».

Капитан думает: может, сон? Ущипнул себя — нет, не сон. А Кривой Томп говорит: «Я вам хочу приятное сделать. У меня есть прекрасная коллекция древнеримских монет, а вы — нумизмат, я знаю, так что хочу вам эти монеты подарить. Не возражаете?..»

Капитан думает: «Заболеел я, что ли? К врачу надо сходить завтра...»

«Вы мне повязочку-то отдайте, — говорит Кривой Томп. — Вам она на что? Бросьте, и всё. А мне память — матушка-покойница шила. И ходить мне с пластырем неприлично. У вас она с собой ведь, повязочка? В брюках небось? В левом кармане?..»

«Ну и ну, — думает капитан, — всё точно. Откуда он знает?..»

«Угадал? — смеётся Кривой Томп, — то-то же... Вы насчёт монет не сомневайтесь,

вот, пожалуйста...» Достает из кармана мешочек, высыпает на стол монеты, подвигает капитану. Капитан смотрит — императоры, цезари всякие... «Берите, — говорит Кривой Томп, — ваши...» Капитан молчит. Кривой Томп спрашивает: «Считаете, мало за тряпочку? Хорошо, добавлю землечерпалку. Интересный, конечно, экземпляр, и единственный в моей коллекции, да ладно, чёрт с ним!..» А капитан думает: неужели я заболел? Или оба мы с приветом?.. «Опасный вы человек, — говорит Кривой Томп, — вижу, не продешевите. Ладно, даю в придачу байдарочку». Капитан молчит. «Несговорчивый вы, упрямый человек, — говорит Кривой Томп, — ну, хорошо. Даю в придачу эту чёртову посудину «Викторию». Содержать мне её всё равно ужасно трудно, одна приборка чего стоит... Берите «Викторию», Колодкин, и не думайте, что я жмот. Только знаете, одно условие: доставайте мне ледакол. Подержанный, старенький, какой угодно. Доставайте, Колодкин? Да что вы молчите?..» Капитан думает: ну чем я рискую? Абсолютно ничем. Поставлю-ка и я свои условия. И говорит: «Нет, я на это не согласен». — «А какие ваши условия?» — спрашивает Кривой Томп. «Мои условия вот какие, — говорит капитан, — чтобы все суда вернулись в порт. До единого. И крупные. И мелочь».

Кривой Томп аж пятнами покрылся. «Вы, — говорит, —

жестокий человек, пользуетесь моей слабостью и что память матери-старушки для меня превыше всего. Ладно, согласен! Только уж извините, без тряпочки никак нельзя...» Капитан думает: хитёр ты, братец, но и я не дурак... И качает головой — нет, мол, не согласен. «Понимаете, — говорит тогда Кривой Томп, — тут технология такая, тряпочка мне обязательно требуется. Дайте хотя бы подержаться».

Подержаться — это дело другое, думает капитан. Наматывает он один конец тряпочки на указательный палец, а другой конец через стол подаёт Кривому Томпу. Кривой Томп за конец ухватился, что-то бормочет, на тряпочку дует... Корочку хлеба посолил, пожевал, запил водой из графина и говорит: «Порядок. Корабли на месте». — «Поехали в порт, — говорит капитан, — проверим». — «Зачем? — говорит Кривой Томп. — Снимите трубочку — и всё...»

Капитан набирает номер, зовёт своего заместителя, а тот как заорёт в трубку: «Чудеса, товарищ Колодкин! Все кораб-

ли на месте! Все до единого! Чудеса в решете! Чудо морское!..»

Капитан поглядел на Кривого Томпа, а тот скромно так улыбается и руку протягивает за повязкой. «Спасибо», — сказал и — за дверь. Больше капитан его никогда не видел...

— ЭХ! — не выдержал Кошельков. — Зря повязку отдал. Фиг получишь — и всё!

— Дурак ты, — сказал Каштанов. — Наш капитан — человек морской чести. Сказал — значит, закон.

— А дальше? — это спросил Маленький Петров.

— А дальше капитан уволился и уехал из Рыбейка. К нам, в Усть-Верею.

— Почему? Почему уехал? — опять спросил Маленький.

— А скучно ему там стало.

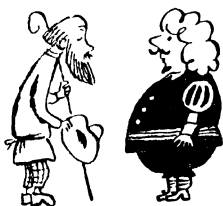
— Как это — скучно? — не понял Маленький.

— Без нас скучно, — непонятно сказал Каштанов. — Ладно, кончай травлю. Пора спать. Маленький, ты первый вахтишь. Потом Кошелёк.

(Продолжение следует)

Тартари-Барбари

НАРОДНАЯ ШУТКА

Стук! Стук!
Кто там?
— Это я, сударь!
— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа.
— А что ты видел в пути, любезный?
— Ах, сударь! Что я видел? Я видел мельницу на вершине молодого вяза. Мельница та, молола муку.
— Ба! Не может этого быть. Ты говоришь неправду. Эй, люди, посадите этого вралю в тюрьму!

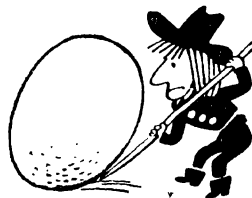

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь.
— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа.
— А что ты видел в пути, любезный?
— Ах, сударь! Что я видел? Видел я, как огромный чёрный пёс спускался с вершины молодого вяза. Хвост у него был весь в муке.

— Эге, видно, собака забралась на верхушку вяза, чтоб полакомиться мукой на той мельнице. Стало быть, не солгал тот путник. Эй, люди, выпустите старика из-под стражи!

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь.
— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа.
— Что ты видел в пути, любезный?
— Ах, сударь! Что я видел? Видел я в Париже огромную-пре-огромную птицу. Под её крыльями уместился весь Париж!
— Ба! Не может этого быть. Ты говоришь неправду. Эй, люди, схватите этого лжеца и посадите его в тюрьму!

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь.

— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа.

— Что ты видел в пути, любезный?

— Ах, сударь! Что я видел? Ви-
дел я великое множество народу. В
руках у каждого лом, и этими ло-
мами они катали по улицам Пари-
жа большущее-пребольшущее яйцо.

— Эге, не иначе, как та птица
снесла такое яйцо! Не солгал, вид-
но, тот странник. Эй, люди, выпу-
стите старика из-под стражи!

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь!
— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа.
— Что ты видел в пути, любез-
ный?

— Ах, сударь! Что я видел? Ви-
дел я, как пруды и реки огнём по-
лыхали, словно подожжённая со-
лома.

— Ба! Ты говоришь неправду. Не
может этого быть. Эй, люди, поса-
дите этого выдумщика в тюрьму!

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь.
— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа,

— А что ты видел в пути, любез-
ный?

— Ах, сударь! Что я видел? Ви-
дел я презабавную штуку. Когда я
проходил вересковой пустошью, мне
под ноги попадались карпы и шуки
с подпалёнными хвостами. Были
они в великом смятении и искали
место, где бы им укрыться.

— Эге, не иначе как они повы-
лезли из тех рек, что огнём полы-
хали. Не солгал тот человек. Эй,
люди, выпустите старика из-под
стражи!

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь.
— Откуда ты идёшь, любезный?
— Иду я из Тартари-Барбари, что на сто льё дальше Парижа.
— Что ты видел в пути, любез-
ный?

— Ах, сударь! Что я видел? Ви-
дел я канавы, ямы и водоёмы до-
верху наполненные похлёбкой.

— Ба! Не может этого быть. Ты
говоришь неправду. Эй, люди, схва-
тите этого брехуна и посадите его
в тюрьму!

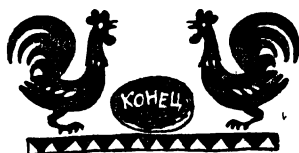

— Стук! Стук!
— Кто там?
— Это я, сударь.

— Ах, судары! Что я видел? Видел я повсюду, где ни проходил, груды ложек.

— Эге, наверняка, этими ложка-ми умные люди ту похлёбку ели. Эй, люди, одеваться! Побегу и я, пока её всю не выхлебали.

Рис. А. Курушина

A black and white line drawing of a young boy with a large nose, wearing a patterned vest over a collared shirt, sitting on the floor and reading a large open book. To his left is a tall, wire-mesh birdcage with a domed top. Inside the cage, a small bird with a patterned body and a long beak is perched on a horizontal bar. The bird is looking towards the boy. The background is plain.

Рис. Ю. Шабанова

Флот всего мира

Итак, внимание! Я приглашаю вас на борт бригантин. Дует попутный ветер. Не будем же терять драгоценного времени. Пусть белоснежные крылья парусов понесут нас к заветной бухте. На самом большом парусе вы видите изображение совы. Её неподвижные огромные глаза устремлены вперёд, в неизвестное. Сова — древний символ Познания. И те, кто поднялся на борт нашей бригантин, познают многое...

Курс проложен. Мы идём к гигантской гавани, где стоят на приколе тысячи кораблей всех времён и народов. На земном шаре нет бухты, равной нашей. Чтобы обойти её причалы, длинные пирсы, старые портовые набережные, чтобы пересечь огромный, просторный рейд, где бросили якорь корабли-великаны, потребуется времени не меньше, чем для совершения большого морского путешествия.

Мы уже в пути... Скоро откроется знаменитая гавань. Наш лаг отсчитывает милью за милей, и вот мы уже видим древние суда египтян, финикийцев, галеры греков и римлян; утлые ладьи отважных мореходов-норманнов... Фрегаты, галионы, клиперы, шхуны, шлюпы, барки, нефы, бриги, кочи, корветы, пакетботы... А вон там грозные корабли военных флотов — линкоры, крейсера, броненосцы, дредноуты, миноносцы, подводные лодки, авианосцы, канонерки... В кильзатере, друг за другом, выстроились знаменитые экспедиционные корабли, которые помогли человечеству шаг за шагом раскрыть тайну «белых пятен» на карте мира...

Так что же это за чудесная гавань!.. Ведь такой большой, где бы нашли себе место более трех тысяч кораблей разных классов, типов, назначений, пожалуй, и не найти на земном шаре. Я раскрываю секрет! Гавань эта — несколько альбомов с марками, посвящёнными только морю и кораблям. Листая страницы этих альбомов, мы совершаем поистине волнующее и увлекательное путешествие. Итак, вперёд!

КОРАБЛЬ В ПИРАМИДЕ ХЕОПСА

Археологам посчастливилось. Проникнув в знаменитую пирамиду Хеопса, они обнаружили там не только сокровища египетского фараона, всевозможную утварь, предметы быта, но даже... целый корабль! Корабль, который был построен около пяти тысяч лет назад. Он был гребным, но была на нём и мачта для паруса, на случай попутного ветра. На корме — два кормовых весла, с помощью которых рулевой давал направление судну.

Египетские фараоны при жизни создавали себе усыпальницу, помещённую внутри огромных пирамид. Для строительства требовались большие гранитные блоки. Хорошо, если каменоломни находились рядом. А если за сотни километров от строительной площадки! Это не страшило древних зодчих. Египет располагал специальными плоскодонными барками, выдерживавшими большие тяжести. Огромные блоки добывали в верховьях Нила, в каменоломнях Асуана, грузили на баржи, и Нил — «отец рек» нёс суда вниз к древним Фивам, столице фараонов.

На своих кораблях египтяне ходили в соседние страны, везли туда свои товары, ввозили обратно чужеземные. Был найден папирус, рассказавший о морском путешествии египтян около четырёх тысяч лет назад в страну Пунт, находившуюся на берегах Восточной Африки. Описывался в папирусе и сам корабль шириной сорок и длиной сто пятьдесят локтей. [Примерно, семьдесят метров]. Экипаж его состоял из полутора сот матросов.

Польская почта издала любопытную серию марок, посвящённую истории кораблестроения. Эта серия открывается почтовым знаком с изображением древнеегипетского корабля. Рисунок напоминает судно, которое было обнаружено в пирамиде Хеопса.

МОРСКАЯ СЛАВА ФИНИКИЙЦЕВ

На следующей марке польской серии изображён торговый корабль финикийцев — самых отважных мореходов древности. Вглядитесь внимательно в почтовую

марку, и вы сразу же обнаружите разницу по сравнению с древнеегипетским кораблём. Вёсел не видно, за исключением кормовых, служивших рулём. Видимо, пользовались финикийцы не одним, а несколькими парусами. Были у них уже и ванты, по которым взбирались матросы для постановки парусов.

Конечно, финикийцы пользовались и гребными судами, но на таких выходить далеко в открытое море было опасно. И финикийские мореходы старались как можно полезнее использовать паруса.

Геродот, древнегреческий историк, сообщил об одном дальнем плавании финикийцев. Происходило это примерно две с половиной тысячи лет назад. По приказу фараона Нехо корабль финикийцев вышел из Красного моря в Индийский океан. Держась берега, судно спускалось всё время на юг. Помогали мореплавателям постоянно дувшие северо-восточные ветры. Чтобы пополнить запасы продовольствия, приставали к африканскому берегу. Засевали хлеб и, собрав богатый урожай, снова поднимали паруса. Вот и южная оконечность Африки — нынешний мыс Доброй Надежды. Тут финикийцы умело использовали морское течение и обогнули чёрный материк. И снова продолжали держаться берега. Теперь они уже поднимались на Север. Когда стихал ветер, брались за вёсла. И в конце концов достигли пролива, который назывался Геркулесовыми столбами, — нынешний Гибралтарский. Прошли через него и, к удивлению, попали в своё «домашнее» Средиземное море. Выходит, что они обогнули Африку и возвратились в устье Нила. Вот она, заслуженная морская слава финикийцев!

ТРИРЕМА ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

На польской миниатюре предстаёт перед нами один из кораблей древнегреческого флота — трирема... Виден парус, но наряду с ним вёсла. Много вёсел — три ряда, друг на друге. Это пресловутая галера, где за вёслами находились прикованные гребцы-рабы. Были у греков галеры с одним рядом гребцов, были с двумя — так называемые биремы — и, наконец, трёхрядные — триремы.

Этот корабль был главным образом военным. И это понятно. При таком количестве гребцов, да к тому ещё и войск

на борту, припасов и продовольствия для них, места для товаров оставалось очень мало.

Настоящую трирему археологам до сих пор обнаружить не удалось. Историкам она стала знакома только по изображениям на фресках, древнегреческих вазах, по барельефам на стенах храмов и других сооружений.

Некоторые учёные утверждали, что при двух дополнительных рядах вёсел грести было бы невозможно. Другие с ними не соглашались.

В середине прошлого века во Франции на реке Сене была создана точная копия древнегреческой трёхрядной галеры. Длина её — сорок два, ширина — около шести метров. За сто семьдесят шесть вёсел, расположенных в три яруса по обе стороны галеры, уселось такое же количество гребцов. Прозвучала команда. Гребцы навалились на вёсла, и огромная галера поплыла. Так был разрешён спор.

Древнегреческая галера существовала более двух тысяч лет. Она была ещё и в первой половине прошлого века. Русские прозвали этот корабль «каторгой». Действительно, страшной была участь гребца, прикованного к веслу или к банке, на которой он сидел. Это были, главным образом, чёрные рабы, пленники, захваченные в морских баталиях, а также в набегах корсаров на мирные прибрежные селения.

АМЕРИКУ ОТКРЫЛИ ДО КОЛУМБА

Парус пружинится от наполнившего его ветра. Корабль мчится по урюмому морю. Форштевень большой ладьи венчает голова страшного дракона. Вдоль борта корабля находятся воины со щитами. Самый задний — это кормчий за рулевым веслом. Плынут норманны, грозные мореходы северных морей. И корабль на марке не выдуман художником. Такой существует в действительности.

Его нашли норвежские учёные при раскопках могильного кургана близ Гокстада. Предполагали обычное древнее погребение. Надеялись обнаружить оружие, доспехи, украшения. Ведь под такими курганами обычно находили могилы знатных людей. Правда, курган под Гокстадом по величине был побольше других.

И вдруг... неожиданная находка — довольно хорошо сохранившийся корабль викингов. Оказывается, в далёкой древности скандинавских вождей хоронили вместе с их вытасканными на сушу кораблями, называвшимися драккарами и очень похожими на большие ладьи. Кроме тела вождя в последнее «плаванье» вместе с ним отправляли предварительно убитых слуг, которые должны были прислуживать ему в загробной жизни. В горшках здесь нашли следы захороненной пищи.

Драккар, раскопанный у Гокстада, имеет в длину двадцать четыре метра, его водоизмещение немногим больше тонны. Осадка у него небольшая — чуть больше метра. Именно поэтому древние скандинавские мореходы плавали не только по морям, но поднимались далеко вверх по рекам. Известно, что они доходили даже до Лютеции — так в те давние времена именовался нынешний город Париж.

На марке норманнское судно идёт под парусом. Вёсел не видно. Но они есть на борту корабля. Замрёт ветер, и в один миг они появятся в руках бесстрашных северных мореходов. Непогода не была страшна им. На утлых судах они доходили до берегов Гренландии и основывали там свои поселения. И по сей день археологи находят на территории Гренландии остатки норманнских посёлков.

Но северные мореплаватели ходили и дальше самого большого в мире Гренландского острова. Это обнаружили в последние годы археологи, ведшие раскопки на территории Северной Америки. Было найдено в одной старинной норвежской книге сообщение о письме рыбака, который жил в 1354 году в Маркланде. Автор указывал, что Маркланд — скандинавское поселение в Северной Америке. Письмо подтолкнуло учёных: надо искать! И совсем недавно норвежская экспедиция во главе с учёным и писателем Хельге Ингстадом нашла первое такое поселение на острове Ньюфаундленд.

Так было доказано, что задолго до Колумба скандинавские мореходы достигли Северной Америки, хотя и не знали того, что находятся в Новом Свете... Шесть лет назад Ингстад сообщил в Вашингтон о своих открытиях. Больше сомнений не было. Америка была открыта до Колумба, и сделали это скандинавы под предводительством храброго Лейва Эрикссона.

В странах американского материка ежегодно 12 октября отмечается день Колумба, день, когда была им открыта Америка. Как же теперь быть? И Конгресс США постановил: ежегодно 9 октября отмечать день Лейва Эрикссона — первооткрывателя Америки. А как же с Колумбом! День Колумба тоже будет отмечаться, как день нового открытия Америки и начала её освоения европейцами.

ЭСКИМОССКИЙ ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Прежде чем перейти к другим кораблям минувших столетий, я хочу обратить ваше внимание на одну канадскую марку. На фоне сверкающего на солнце огромного айсберга мы видим эскимоса в маленькой лодочке-каяке. Исследователи крайних северных районов Канады нашли остатки каяков, построенных семь-восемь столетий назад. И что удивительно — и сейчас ещё их строят эскимосы точно так же, как и их далёкие предки. Марка эта очень популярна среди филателистов: ведь каяк тоже кораблик, правда маленький, но зато какой!

В одном из журналов канадская марка была помещена в увеличенном размере. Она выглядела, как картина. А текст был озаглавлен — «Никогда не утонут».

Глядя на почтовую миниатюру, не замечаешь никакой опасности, которая бы грозила плывущему в каяке эскимосу. На море — полный штиль. Гигантская ледяная гора находится от охотника на далёком расстоянии. Так почему же так названа картина-марка?

Оказывается, канадская почта решила воздать должное эскимосскому каяку, отличающемуся поразительной устойчивостью на воде и практически непотопляемому. Ещё в начале прошлого века известный популярный путешественник Джон Росс, возвратившись из далёкой экспедиции, привёз домой каяк. Европейцы впервые увидели этот утлый кораблик эскимосов.

И вот решено было продемонстрировать необыкновенные качества каяка. Как назло, стояла прекрасная погода. А о предстоящей демонстрации эскимосской лодочки уже было напечатано в газетах. Тысячи жителей одного из приморских английских городов буквально измаялись в ожидании шторма. Это были моряки и их родные — интерес их к каяку был понятен. Наконец,

на небе появились рваные облака, так называемые «кошачьи хвосты». Значит, приближался шторм. Наутро набережная была до отказа заполнена любопытными.

Один из матросов, участников экспедиции Росса, уселся в каяк и мощными взмахами весел вывел его за мол, где буквально кипело беснующееся море. Тысячи зрителей с замиранием сердца следили, как волны выносили на пенящиеся гребни маленькую лодчонку. Вот-вот она перевернётся! Но нет: точно спичечный коробок, она взбиралась на вершину накатывавшейся водяной горы, а потом спокойно сползала по её покато́й спине. Матрос напевал весёлую песенку, чувствовал себя в полной безопасности. Более того, он заставил каяк несколько раз опрокидываться вверх дном. Но тот, точно известный всем ванька-встанька, сразу же возвращался в нормальное положение. Вот какой кораблик придумали для себя эскимосы.

ФЛОТ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

Флот этот состоял всего лишь из трёх кораблей. Это были три каравеллы (парусные суда) одна другой меньше. Самая большая — «Санта-Мария», водоизмещением 250 тонн, вторая «Пинта» — 140 тонн и третья «Нинья» — около 100 тонн. «Нинья» в переводе с испанского означает «Малютка», но именно этой малютке пришлось сыграть важную роль в экспедиции Колумба. На всех трёх кораблях экипажи насчитывали всего 90 человек. И с такими каравеллами и такой командой Колумб уверенно отплыл на Запад, в неведомое, надеясь открыть берега далёкой богатой Индии.

После долгого, тяжёлого плавания 12 октября 1492 года матрос Родриго де Трие́ны около двух часов утра увидел песчаный берег неизвестного острова. Колумб сошёл на берег и назвал его Сан-Сальвадор. Этот день и считается днём открытия Америки, хотя сам Колумб до самой своей смерти считал, что он открыл новый кратчайший путь в Индию.

Почти все государства, находящиеся на территории Северной и Южной Америки, неоднократно посвящали Колумбу почтовые марки. Их так много, что отдельные собиратели составили из таких почтовых знаков филателистическую «Колумбиану». На марках изображены эпизоды высадки Колумба, встречи с населявшими неизвестные земли людьми, которых путе-

шественник назвал индейцами. Но на большей части миниатюр изображены знаменитые каравеллы, и среди них на первом месте адмиральский корабль «Санта-Мария». Художники воспроизвели флот Колумба по старинным рисункам и гравюрам. «Искорка» публикует две марки. Одна издана республикой Сан-Марино и показывает Колумба на набережной на фоне всех трёх каравелл, другая — выпущена испанской почтой и воспроизводит «Санта-Марию».

Как раз адмиральскому кораблю не повезло больше всего. Он наскочил на мель и затонул вблизи берегов острова Гаити. Колумба доставила в Испанию малышка «Нинья».

В 1892 году широко отмечалось четырёхсотлетие открытия Америки. В честь этой памятной даты решено было воссоздать «Санта-Марию». Были использованы все данные для постройки. Вскоре «Санта-Мария-2» была спущена на воду, а ещё через некоторое время полностью подготовлена к плаванию.

И вот по пути Колумба новая каравелла под командованием капитана дона Виктора Конкоса вышла в Атлантику и благополучно пересекла её, отдав якорь у берегов Америки.

Но, быть может, удастся увидеть подлинную «Санта-Марию». Дело в том, что американский исследователь Ф. Диксон на предполагаемом месте крушения первой каравеллы Колумба обнаружил на дне какой-то старинный затонувший корабль. Корпус его сплошь зарос кораллами. Были подняты отдельные части корабля, а также некоторые другие предметы. Именно они позволили сделать вывод, что постройка судна относится как раз ко времени, когда Колумб совершал свою знаменитую экспедицию.

В скором времени должны начаться работы по подъёму предполагаемой «Санта-Марины». Она это или не она! Лишь после того как она окажется на поверхности моря, учёные смогут дать окончательный ответ.

СКОРЛУПКУ ВЕДУТ БЕССТРАШНЫЕ

А что это за крохотная скорлупка под небольшим парусом! Кажется, что вот-вот раздавят её плавающие вокруг огромные льдины. Судёнышко открытое, палубы не имеет, леденящий ветер обжигает лица путешественников. Кто они! Это наши русские древние мореходы, никак не уступавшие отвагой и мужеством смелым норманнам.

Малюсенький кораблик назывался кочем. Тот, который вы видите на марке, изданной советской почтой, ведёт казак Семён Дежнёв. Жил он в далёком сибирском городе Нижне-Колымске, занимался добычей морского зверя. Охота на него требует большой сноровки и, главное, храбрости. Один не пойдёшь на обитателей полярных морей. Нужна дружина.

Триста двадцать три года назад семь кочей под командованием Семёна Дежнёва вышли в море. Льдов было мало, и Дежнёв повёл свою лёгкую флотилию на восток, вдоль сибирских берегов. Но вскоре испортилась погода, пришла беда. Два коча разбились о льды. Штормовой ветер утнул в открытое море ещё два коча, и они пропали без вести.

Дежнёв был мореходом крепкой закалки и не уступал раскисшей стихии. Кое-где приставал к берегу, пережидая непогоду и снова двигался на восток. Так продолжалось до 20 сентября 1648 года. В этот день они достигли самой крайней восточной точки величайшего на земле азиатского материка. Большой мыс, вдававшийся в море, позднее называли именем Дежнёва. А сам казак называл его тогда Большим каменным носом.

И вот тут-то опять нагрянула беда. Разгулялась волна и, подхватив один из кочей, разнесла его в щепки. Два оставшихся вошли через пролив в Тихий океан. Тихий он только по названию. Во время страшной бури кочи потеряли друг друга. Искоре большой волной коч Дежнёва выбросило на берег.

Долго и с большими трудностями добирался казак до родных мест, но добрался. В Якутске он составил отчёт о своём дерзком плавании и сдал его царскому воеводе. Воевода же не отослал его в Москву. А ведь Дежнёв доказал существование пролива между Азией и Америкой. И толь-

ко восемьдесят восемь лет спустя обнаружили этот отчёт в архиве якутского воеводы. Если бы знали об открытии Дежнёва, то не снаряжали бы специальную экспедицию, чтобы узнать, слиты ли воедино или разделены водой Азия и Америка.

Три четверти века спустя плавал в тех местах русский мореплаватель, датчанин по происхождению, Витус Беринг. Он находился во главе Великой Северной экспедиции, которой было поручено отыскать морские пути в Америку. Экспедиция была очень тяжёлой. Витус Беринг умер во время путешествия. Но для науки и мореплавания его экспедиция сделала очень много важных открытий.

Памяти Беринга посвятили свои марки советская и датская почта. На миниатюрах изображён на первом плане пакетбот командора экспедиции «Святой Пётр».

МЯТЕЖ НА «БАУНТИ»

Трёхмачтовый бриг «Баунти» на полных парусах режет океанскую волну. Таким изображён этот красивый корабль на марках острова Питкерна. Посмотрите-ка на карту Океании, попробуйте отыскать этот небольшой кусочек суши, затерявшийся среди морского безбрежия.

«Баунти» очень торопится, он боится преследований английских кораблей. Трёхмачтовый бриг тоже принадлежит английскому флоту, но на борту его матросы подняли бунт, а за мятеж в море бунтарям грозит «пенковый галстук» — петля виселицы.

Так что же произошло на бриге! Командир его лейтенант Вильям Блай был очень жестоким человеком и всячески издевался над подчинёнными. Чаша терпения была переполнена, и однажды, когда «Баунти» находился далеко от берегов, матросы высадили капитана и его приспешников в лодку и оставили их одних в море.

Знали моряки, что за это их ждёт неминуемая смерть. Поэтому о возвращении на родину нечего было и думать. Бриг пристал к берегам островов Тавити. Укрываться здесь было очень опасно, так как тут бросали якоря корабли многих стран, в том числе английские. Чтобы избежать наказания, надо было найти какой-нибудь необитаемый остров и навсегда поселиться на нём.

На Тавити моряки с мятежного брига за-

купили домашних животных, уговорили плыть на «Баунти» небольшую группу таитянок и женщин. И вскоре, подняв паруса, бриг ушёл в океан в поисках какого-нибудь отдалённого необитаемого острова. И такая крупная земля, одиноко возвышавшаяся над волнами южных морей, была в конце концов найдена. Островок, названный Питкерном, имел в длину три с половиной, а в ширину — полтора километра. Берега его были крутые, неприступные, но для жизни островок был вполне пригоден. Тут и высадились моряки с «Баунти» вместе с таитянами. На утлых лодочках перевозили на берег всё, что было возможно снять с корабля. А когда, наконец, эта работа была завершена, бриг уничтожили, чтобы ни у кого никогда не возникла мысль о возвращении на родину.

Шли годы. О трёхмачтовом «Баунти» в Англии никто не вспоминал, считая его погибшим. Но вот примерно четверть века спустя, укрываясь от жестокого шторма, у берегов Питкерна оказался английский корабль. Остров считался необитаемым, но велико было удивление английских моряков, когда они обнаружили здесь целый посёлок. И ещё больше удивились они, когда среди бронзовотелых таитянок увидели самого настоящего европейца, да

ещё говорившего на чистом английском языке. Это был единственный оставшийся в живых матрос с «Баунти» Джон Адамс, которого также можно увидеть на марке около своего дома. Адамс и рассказал историю заселения острова.

Когда корабль возвратился в Англию, моряки рассказали о судьбе «Баунти» и о поселении на Питкерне.

И до сих пор на этом острове живут потомки мятежных моряков. Насчитывается их здесь немногим более двухсот человек. Есть школа. Разговаривают тут на смешанном англо-таитянском языке. Примечательно и другое: питкернцы очень любят свой остров, и никого из них не тянет в другие места, в другие страны.

Родных на материках питкернцы почти не имеют. Переписываться не с кем. А вот почта на острове существует. И Питкерн издаёт свои марки, которые печатаются в Лондоне. Издаёт в больших количествах. Для чего же, если переписка мизерно мала! Секрета нет — марки Питкерна с изображением мятежного брига «Баунти», с портретами первых поселенцев, с видами островка раскупаются миллионами филателистов всего мира. Большой доход получает крохотный островок от продажи своих почтовых миниатюр

Н. АЛТУХОВ

Б е л к а

*Белка рыжая скачет
По развилкам сосны,
Словно солнечный зайчик
Недалёкой весны.*

*Что морозы ей, рыжей!
Снег идёт дотемна,
А она уже слышит,
Как шагает весна.*

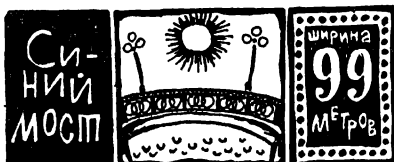
*А она уже видит
Под сугробом траву,
Боровик позабытый,
Молодую листву.*

*Солнце —
Словно тарелка,
А с тарелки летят
И орехи для белки,
И грибы для бельчат.*

РЕКОРДЫ ГОРОДА

САМАЯ длинная из тысячи семисот пятидесяти магистралей нашего города — проспект Обуховской обороны. Его длина 9760 метров. Длина Московского проспекта — 9265 метров, проспекта Стачек — 8471 метр, а Невского — 4260 метров. Самая длинная улица — Садовая: более 4375 метров.

САМЫЙ широкий мост в Ленинграде — это Синий мост. Его ширина — 99 метров.

САМЫЙ длинный в мире судоходный канал — это Волго-Балт. Длина его — 361 километр. Если сложить вместе протяжённость трёх крупнейших каналов мира, Суэцкого (161 километр), Панамского (81 километр) и Кильского (98 километров), то они втроем окажутся меньше одного Волго-Балта.

САМАЯ древняя рукописная книга хранится в Ленинградской Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это знаменитое «Остромирово евангелие», созданное в 1057 году.

САМОЕ большое наводнение было в Петербурге в ноябре 1824 года. Вода тогда поднялась на 4,1 метра выше нормального уровня и затопила весь город. Второе по силе наводнение произошло в сентябре 1924 года. При нём уровень воды был несколько ниже — 3,7 метра.

САМАЯ первая в России городская почта была открыта в январе 1833 года в Петербурге. Город был разделён на 17 округов с 42 пунктами для приёма почтовой корреспонденции.

САМЫЙ первый в России пассажирский пароход был построен в 1815 году в городе на Неве и назван «Елизавета». Он курсировал по линии Петербург — Кронштадт.

САМЫЙ старый из железнодорожных вокзалов нашей страны — Витебский вокзал в Ленинграде. Правда, у него есть два ровесника — Царскосельский и Павловский вокзалы. Именно между ними и пролегла первая пассажирская железная дорога нашей страны, открытая в 1837 году.

САМЫЙ большой в мире киноэкран находится в ленинградском Большом концертном зале «Октябрьский». Ширина экрана — 36 метров, а высота — 18 метров. Этот экран, весом в полтонны, был изготовлен в Одессе и доставлен на берега Невы специальным поездом.

САМОЕ длинное в мире разводное крыло имеет недавно реконструированный Литейный мост. Длина этого крыла — 67 метров. Следует, кстати, заметить, что разводится мост-гигант всего за 12 минут.

САМОЕ

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

«ЗАРНИЦА»

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

ДАВНО не сходит с ребячьих уст это поэтическое слово. Изю дня в день его повторяют мальчики и девочки всех городов и деревень нашей страны, потому что «Зарница» не просто слово, а военно-спортивная игра. Миллионы пионеров полюбили её, да так и не расстаются с «Зарницей» вот уже который год.

Игра-то она игра, но этим ещё не всё сказано.

В ротах, батальонах, полках «Зарницы» идёт непрерывная учёба. Физическая подготовка, строевая, тактическая, огневая... Учителями здесь, как правило, люди военные — от солдата шефствующей воинской части до генерала. А когда на твоём учителе военная форма да ещё грудь в орденах, то его будешь и слушаться, и подражать ему, и на совесть выучишь то, что он задал.

Кажется, чего проще стоять часовым у знамени. Но пока ты не помозолил руки и не сделал себе автомат, ты ещё не часовой. Даже с автоматом не часовой, если не умеешь стоять по команде «смирно», как положено у знамени. Разводящий приведёт тебя на пост лишь тогда, когда убедится, что ты надёжен во всех отношениях: вооружён, серьёзен, бдителен — не вступишь в разговор, не улыбнёшься, когда кому-то из приятелей придёт в голову рассмешить часового.

Ну, а если ты в разведке? Идёшь по лесу и слышишь, например, кукушку. Настоящая она или это неприятельский солдат подаёт знак своим? Как ты найдёшь и отметишь на карте при помощи компаса место, где услышал кукушку? А как будешь вести разведку позиций противника, оставаясь для него невидимкой?

На все эти «как?» тебя научит ответить «Зарница» ещё задолго до настоящей разведки. Научит пользоваться биноклем, полевым телефоном, миноискателем, фотоаппаратом, даже походной рацией.

В истории «Зарницы» насчитывается немало походов, боёв и сражений. Походов не туристских, нога за ногу, а по-настоящему трудных, — с оружием и полной выкладкой, как в летнюю жару, так и в зимнюю стужу.

Многим юнармейцам памятно сражение, которое разыгралось на бывшем Ораниенбаумском «пятачке», щедро политом кровью воинов Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. В составе сводных батальонов «Зарницы» сюда пришли сыновья и внуки героев, чтобы продемонстрировать своё воинское умение, стойкость, хитрость, взаимовыручку, которые неукоснительно воспитывает «Зарница».

На эстонской земле, в местах, где в огне боёв родилась непобедимая Красная Армия, Всесоюзная «Зарница» проводила свой финал — девятидневное сражение. Особенно грозными соперниками для ленинградцев были отряды из Севастополя, Волгограда, Нарвы, Орла, Брестской области.

Но ленинградцы (юнармейцы 541-й школы) оказались на высоте. Им вручён главный приз министра обороны, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

На 3-й странице обложки журнала вы увидите снимки нашего фотокорреспондента Г. Сафонова. Вместе с юнармейцами он износил немало обуви по дорогам «Зарницы» и тоже хлебнул лиха.

Вглядитесь в лица ребят, в их самодельное вооружение, и вы поймёте, что «Зарница» — полезная, увлекательная игра. И не только игра. Ведь «Зарницей» командует прославленный полководец, Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян.

ДВОЕ СУТОК В ОКЕАНЕ

Два дня и две ночи в одиночестве боролся с водной стихией шведский яхтсмен Ааке Мэттсон. Его смыло за борт, когда во время сильного волнения океана у берегов Бразилии он устанавливал на яхте поваленную ветром мачту.

Поначалу Ааке пытался добраться до яхты, но он не был привязан к ней, и она постепенно, повинаясь воле ветра, уплыла от него.

Оставшись даже без спасательного жилета, Мэттсон, ориентируясь по солнцу и звёздам, поплыл в сторону берега, отстоящего от него на сто километров. Вокруг сновали акулы, но, к счастью, они не напали на него.

Неизвестно, чем бы кончилось это единоборство с океаном, если бы отважного мореплавателя не подобрала бразильские рыбаки.

ПЕЩЕРА С... ОТОПЛЕНИЕМ

Высокогорную пещеру с «паровым отоплением» открыли спелеологи в горном хребте Катран (Южная Киргизия). Системе гротов длиной 120 метров даёт тепло небольшое озеро с горячей водой.

В горах Киргизии известно много больших и малых пещер, но эту специалисты считают самой интересной.

ШКОЛА ДЛЯ... СЛОНОВ!

Она существует на Цейлоне. Её питомцы обучаются восемь месяцев, в течение которых они должны освоить несколько «предметов». Это гимнастика, работа в поле, корчевание леса, перевозка гру-

зов и людей, выработка походки и этика поведения.

Учение приносит свои плоды. Вышколенные слоны даже помогают людям ловить своих живущих на свободе собратьев.

ПРОДАЛИ... ИХТИОЗАВРА!

На аукционе в Лондоне с молотка продан ихтиозавр. Шестиметровый скелет этого ископаемого ящера, обитавшего на земле более 100 миллионов лет назад, был найден в 1810 году в местечке Лаймс Реджис (графство Дорсетшир).

Скелет принадлежал геологическому факультету Эдинбургского университета. Новым хозяином ихтиозавра стал швейцарец М. Бодмер, уплативший за него 3200 фунтов стерлингов.

...эпидемия смеха вспыхнула недавно в местечке Нашаша (Центральная Танзания)? Из-за непрекращающихся приступов смеха среди учащихся на десять дней была закрыта местная школа. За последние годы было зарегистрировано несколько подобных случаев, но и по сей день медики имеют весьма скудное представление о причине этой эпидемии.

...в Англии в один из бассейнов Виндзорского королевского парка поселили... акулу? Известно немало случаев нападения акулы на человека. Однако новосёлка пока опровергает это. Она миролюбиво относится к научным работникам.

...француз Эдман Дюранд, живущий в местечке Ле-Сабле-Делоне, с 36 лет начал снова... расти? Ежегодно он подрастает на несколько сантиметров. Сейчас ему 60 лет и его рост — 2 метра 16 сантиметров. Врачи считают, что Дюранд будет расти и дальше. Это необычное явление они объясняют нарушением функции гормональной железы.

...огромная стая скворцов, пролетая в предзвездных сумерках над Нью-Йорком, разбилась о здание небоскрёба «Эмпайр стейт билдинг» (высота — 448 метров)? Прилегающие улицы были усеяны телами мёртвых и искалеченных птиц.

...можно слышать руками? Небольшой аппарат, напоминающий транзисторный радиоприёмник, разработан в нашем городе. В отличие от обычных слуховых аппаратов он имеет так называемый «костный» телефон. Это вибратор, зажимаемый в кулак. Очаги особо высокой чувствительности, как показали исследования, находятся в ладонях. Даже при полной потере слуха при помощи сигналов-колебаний этого вибратора можно воспринимать речь руками.

...вот уже 58 лет пароход «Титаник», весом более 143 тысяч тонн, лежит на дне Атлантического океана на глубине 3800 метров? Поднять его до сих пор считалось технически невозможным. Смелый и оригинальный по своей простоте метод подъёма корабля предложили венгерские изобретатели. К корпусу корабля крепятся по-

лые, открытые снизу сосуды из пластмассы. С помощью электролизного аппарата вода под сосудами разлагается на водород и кислород. Водород в виде пузырьков попадает в сосуды и вытесняет воду. В соответствии с законом Архимеда, сосуды, наполненные легким водородом, создают подъёмную силу, и корабль поднимается на поверхность. В Англии создано общество, которое берётся осуществить подъём. После подъёма «Титаник» предполагается установить в Ливерпульском порту. На его борту будет создан музей.

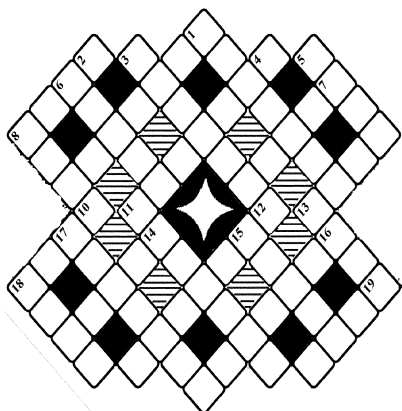
...в нашей стране около 11 миллионов человек ежегодно справляют новоселье? По объёму жилищного строительства Советский Союз занимает первое место в мире.

...выпущены новые часы «Амфибия»? Они предназначены для любителей подводного плавания. Часы выдерживают давление в 20 атмосфер. Даже на глубине 200 метров хорошо виден светящийся циферблат. Специальное приспособление отмечает время пребывания пловца под водой.

КРОССВОРД

Сверху вниз слева направо.
1. Экипаж, 3. Европейское государство. 5. Лестница на корабле. 6. Принадлежность маскарадного костюма. 8. Наиболее популярное в наше время искусство. 11. Перелётная птица. 13. Характер. 15. Автомат, производящий работу, внешне напоминающую действия человека. 17. Выдающийся

Отдел ведёт Вадим Аментьев

русский художник. 18. Болото, трясина.

Сверху вниз справа налево.
1. Нефтепродукт. 2. Город в РСФСР. 4. Сооружение для защиты от артиллерийского огня. 7. Выдающийся архитектор, создатель многих зданий и архитектурных ансамблей нашего города. 9. Чертёж, изображающий на плоскости какую-либо местность или сооружение. 10. Сорное растение. 12. Регулярно, в определённое время устраиваемый торг. 14. Огородное растение. 16. Рыбак. 19. Сильно распушённое волокнистое вещество.

РЕБУС

Разгадав ребус, вы прочтёте две строки М. Ю. Лермонтова

АФОРИЗМ

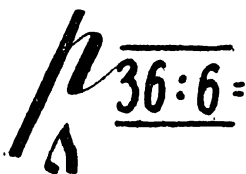
Взяв из каждого слова по две смежные (то есть соседние) буквы, составьте из них афоризм...

Буквы нужно выписывать в том

же порядке, в котором следуют одно за другим ключевые слова:

фрамуга, тяжесть, восток, совок, насос, звезда, заём, культпоход, воробей, след, свита, ель, лейка.

РЕБУС-МАЛЫШ

Всего одно слово зашифровано в этом маленьком ребусе, но разгадать его не так-то просто!..

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 1)

ЧАЙНВОРД «ТРИ БУКВЫ»

1. Лак. 2. Бол. 3. Лук. 4. Кий.
5. Йод. 6. Дон. 7. Нил. 8. Лем.
9. Мак. 10. Кок. 11. Кот. 12. Тик.
13. Кит. 14. Том. 15. Мир. 16. Ром.
17. Мел. 18. Луг. 19. Гол. 20. Лёд.
21. Душ. 22. Шах. 23. Хор. 24. Рог.
25. Гул. 26. Лад. 27. Док. 28. Код.
29. Дом. 30. Мыс. 31. Сыр. 32. Риф.
33. Фон. 34. Ном. 35. Мол. 36. Лов.
37. Век. 38. Куб.

ШИФРОВКА

Трудно не значит непреодолимо.

РАСКРЫТАЯ КНИГА

Не куст, а с листочками, не рубашка, а сшита, не человек, а рассказывает (книга).

ШУТКА

Девочку зовут Янина (Я — Ни-на...).

Содержание

У горы. Стихотворение В. Николаева	1
Что умеют танкисты. Рассказ Б. Никольского	2
На раненой самоходке. Очерк Ю. Алексеева и А. Зверинцева	11
Два подарка. Рассказ Виктора Голявкина	15
Берёзка. У вечного огня. В лесу. Зима. Стихи Якова Пинясова	16
Осечка. Окончание повести Ильи Туричина	18
Перемена. Стихотворение Леды Милевой	36
Маленький Петров и капитан Колодкин. Продолжение повести Александра Крестинского	37
Тартари-Барбарн. Народная шутка	50
Говорящий скворец. Стихотворение Семёна Шандлоренко	52
Флот всего мира. Статья Э. Миронова	53
Белка. Стихотворение Н. Алтухова	58
Самое-самое-самое	59
«Зарница»	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Атака».

На 2-й странице обложки фото-этиюд Г. Сафонова «Ночь на границе».

На 3-й странице обложки фото-репортаж Г. Сафонова «Зарница».

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Февраль».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 24/XII 1970 г. Подписано к печати 1/II 1971 г. 4 п. л.
М-34921. Заказ № 1893. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ФЕВРАЛЬ - МЕСЯЦ ЛЮТЫЙ,
СПРАШИВАЕТ, КАК ОБУТЫЙ

